

IRINA
SHERRY

ПРОШЛЫМ
ВЯЗАНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Irina Sherry

Связаны прошлым

«Автор»

2024

Sherry I.

Связаны прошлым / I. Sherry — «Автор», 2024

В её руках власть. В его — закон. Сможет ли адвокат, не проигравший ни одного дела, докопаться до истины и одержать победу в своем главном спарринге — за любовь?

Содержание

Голос из прошлого	6
Приятная неожиданность	9
Встреча века	14
Договор	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Irina Sherry

СВЯЗАНЫ ПРОШЛЫМ

Мы влюбляемся, чтобы быть счастливыми. Но никто никогда не узнает, взаимно ли это счастье. А самое страшное, когда любовь приходит совсем рано, разбивая вдребезги всю твою жизнь, и она безответна. Сейчас я успешный юрист. И моя помощь нужна той, кого я много лет безуспешно пытался вычеркнуть из своего сердца. Но может быть судьба наконец-то решила дать нам еще один шанс.

Голос из прошлого

Максим.

– Алеся, возьми трубку. Уже в третий раз звонят, – кричу я из кабинета директора.

Мой лопухий друг, как и всегда, забыл на столе очередного ночного клуба ключи от своего новомодного столичного пенхауса с видом на Москву-реку, которые в настоящий момент успешно разыскивает. Я же вынужден был перенести рейс в Нью-Йорк, чтобы в срочном порядке решить ряд документальных несостыковок.

Подходя к незапертому кабинету, очередная помощница из отдела кадров растекается по дверному косяку, и, просовывая свою бестолковую головку в узкий проём, сквозь надутые красные губы щебечет:

– Ну, почему я, Максим Александрович?

– На сколько помню, все обязанности Ангелины перешли временно к тебе, – произношу между делом, стараясь не отвлекаться на очередную манию величия молодой сотрудницы.

– Это не моя работа, – пока я пытаюсь сосредоточиться на важных пунктах делового договора с китайцами, худощавая бестия накручивает рыжие пакли на свои длиннющие пальцы. Отвратительное зрелище.

– Неужели снова? – бубню себе под нос, сдерживая рвущиеся наружу ругательства. *Похоже мой компаньон по бизнесу оттрахал очередную сотрудницу. И не один раз, судя по гонору. Сегодня же дам задание Ангелине Петровне уволить эту пигалицу с красными как задница варёного рака, губами. Неужели трудно удержат свой член в штанах хотя бы в здании отца? Никакой чести и совести у Лёхи. Сегодня ему точно влетит от меня за отсутствие мозгов на рабочем месте.*

– Возьми трубку и включи громкую связь. Я сейчас подойду – тон моего голоса заставляет молодую девушку ретироваться со своего места к рабочему столу. – И не беси меня.

Через минуту из приёмной до меня доносится очередное:

– Добрый день.

– Добрый день! Вы позвонили в компанию «Шанс». Меня зовут Алеся, чем могу Вам помочь?

Выходя из кабинета, застаю практикантку, сидящей на столе нога на ногу. Про себя отмечаю прирост в количестве бумажных стопок, к которым явно ни разу с момента начала трудового контракта не прикасалась женская рука. Скорей бы вышла из лечебного отпуска Ангелина, наш главный секретарь. Иначе я сорвусь и собственными руками вышвырну протеже Казамадова из дверей фирмы. Пусть Сушинский отдувается за свой длинный язык самостоятельно. Фирма не должна страдать от высокомерной выскочки, что ежеминутно стирает несуществующую пыль с чересчур оголенных частей своего тощего тела.

– Не могли бы Вы соединить меня с Алексеем Михайловичем? – немного дрожа произносит знакомый голос.

Первая эмоция — страх, что сковывает каждую мышцу некогда ставшего каменным сердца. Всему виной интонация, с которой произносит свою просьбу гостя из прошлого. Я опираюсь плечом на дверной косяк, мысленно протерев его спиртом от назойливых красных вареников.

– С кем конкретно? – интересуется Алеся, располагаясь на чужом рабочем месте.

– С Сушинским Алексеем, – уверенно отвечает девушка из прошлого, очевидно собравшись.

Удивительно, как в свои тридцать без хвостика она умудряется стесняться. Да так, что даже динамик телефона не может заглушить её яркие эмоции. Стадия два – отрицание.

Я пропитан им насквозь. И еле сдерживаю из глубины души рвущиеся наружу эмоции. Почему она позвонила ему после стольких лет?

– Прошу прощения, но в данный момент он не может подойти к телефону, – сообщает помощница, разглядывая очередной модный маникюр. *Неужели вирус? Не хочу верить, что эта новомодная хрень с яркими когтями постигла всех несчастных.*

– Передайте ему, пожалуйста, что это срочно! – очевидно нуждаясь в решении вопроса здесь и сейчас, девушка по ту сторону провода готова упрашивать даже такую стерву, как Алеся.

А это уже, как известно, мольба!

– Я прекрасно понимаю Вас, – сочувственно начинает последняя, выдерживая между фразами драматическую паузу, которой позавидовал бы современный МХАТ, – но не могу ничем Вам помочь.

– Вы как раз-таки меня не понимаете! – кричит в трубку белокурая нимфа (белокурая ли? Надеюсь, что да), запудрившая когда-то мои мозги, – мне очень нужен Алексей.

Отчаяние! Эмоции так быстро сменяются. Крайне занятно представлять черты очевидно измененного с годами лица знакомой из прошлого.

– Наш Алексей Михайлович нарасхват. Он всегда и всем очень нужен, но увы и ах, достается не каждому, – щебечет в трубку секретарь, раскладывая очередной пиковый пасьянс на компьютере. И когда всё успеваешь?

– Алеся, – делаю замечание, медленно сгибая пальцы в кулак, представляя на их месте чужую шею, – не перегибай палку.

– Вы что себе позволяете?! Дайте мне личный номер Алексея, я свяжусь с ним самостоятельно, – произносит в ответ на хамство Блонди. *Вот и гнев подоспел. Как по расписанию. Как занятно вновь окунуться в это болото беспроглядной темноты.*

– Девушка, я ничем не могу Вам помочь! – несмотря на мои предупреждения, Алеся продолжает напирать, что мне совершенно не нравится. Неужели ревность? – Личные телефоны Алексей Михайлович дает только близким знакомым, к коим Вы, как я понимаю, не относитесь.

– Алеся! – рявкаю, делая шаг в направлении стола, —черт тебя дери!

– У меня нет возможности выслушивать Ваше хамство, милочка, – ставя точку в перепалке, мудрая девушка по ту сторону линии связи заканчивает весьма и весьма предсказуемо, – Вам придется ответить за выходки в мою сторону. Передайте, пожалуйста, что ему звонила Анастасия Шестакова.

– Кто? – неожиданно для себя я перегибаюсь через стойку регистрации, чтобы отыскать глазами определитель номера на телефоне. Сравнивая цифры, что очень плотно врезались в мою память десять лет назад, с облегчением выдыхаю, – не поменяла. – Алеся с изумлением на лице смотрит на меня, очевидно недопонимая мою реакцию на происходящее. Да я и сам не осознаю, что делаю. Но похоже моя реплика прозвучала очень громко. Плевать. Я должен был услышать это имя еще раз. Чтобы пройтись лезвием по своему сердцу. Правда не так глубоко на этот раз. Ведь она, как минимум, не замужем. И как максимум, снова звонит ему. Я хочу верить, что она не решилась на гражданский брак. Такие, как она, не соглашаются на меньшее.

– Анастасия Щербакова? – продолжает нудеть Алеся, выводя меня из себя.

– ШЕС-ТА-КО-ВА, – произносит потенциальная клиентка по слогам.

– Шестаковская? – практикантка не на шутку разошлась, я посмотрю. Похоже премия в этом месяце, как и в другом, Ангелине Петровне не светит. Не смогла обучить сотрудницу правилам делового общения.

– ШЕС-ТА-КО-ВА. Девушка, кто же Вас на работу брал с таким слухом! – Ну, наконец-то живая и почти реальная Настя.

– Черт! Черт! Черт! – изо всех сил сдерживаясь, стучу кулаком по столу. Карандаши с ручками летят на пол.

– Если Вам что-то не нравится, можете бросить трубку и больше сюда не звонить!

Я её убью. Обещаю, что закопаю эту оторву где-нибудь в лесу. Навыки делового общения в данном случае её уже не спасут.

– Алеся, дорогая, – отвечает, ничуть не смутившись, – а Вы не только язва, но еще и хамка. Пока мы не подрались по телефону, прошу Вас передать информацию Алексею. Это очень важно для него, – в трубке повисает тишина, которая отзывается во мне боем тысячи молотков. Что же она натворила?

– Слушаю и повинуюсь! – заканчивает помощница и вешает трубку.

– Ты что сейчас сделала? – спрашиваю, глядя в оленьи глаза. – Какого черта ты хамила потенциальной клиентке? – мой гнев осязаем даже на расстоянии. – Где твои мозги?

– Но.., – начинает сотрудница, но стушевавшись под моим тяжёлым взглядом, лишь, бормочет себе под нос— Вы.., – заикается рыжая оторва.

– Что «но», Алеся?– я опираюсь на стол, чтобы уменьшить расстояние между нами и доходчиво объяснить недопомощнице её косяки.

– Блеть будешь на ферме, а не здесь, понятно? – её голова дергается, как от удара. А я не узнаю тон своего голоса. Весьма редко мне приходится быть таким, как сейчас. Но я должен поставить на место выскочку. – Разве этике тебя в институте не учили? – перехожу на елейность, чуть наклоня голову на бок. – Ах, да, ты же его не закончила. Папочка диплом купил, – на глазах несмышленной секретарши слёзы. Но мне плевать. – Либо выполняешь свою работу и ведешь себя достойно с любым, кто постучится в эту дверь, – девушка молниеносно переводит взгляд на мой указательный палец, а затем снова на меня, – либо катишься отсюда, – взглядом провожу трепанацию на маленьком черепе с крохотным грецким орехом вместо мозга, в надежде запихнуть в него новую информацию, а после, оттолкнувшись кулаками, от поверхности стола, заканчиваю основную мысль, – а теперь живо забрала свои манатки и испарилась отсюда, – и пружинистой походкой возвращаюсь в свой кабинет.

Только усевшись в кресло, позволяю себе расслабиться и пустить корни сознания в глубинные воспоминания:

– Анастасия Шестакова, – кручу на языке издевательски медленно, пробуя на вкус приглушенную за годы боль. – Ну и во что ты на этот раз ввязалась?

Приятная неожиданность

Леха хоть и стал хорошим юристом, но глупость из головы не выветрился до конца. В очередной раз опаздывает на встречу с потенциальным клиентом. Интересно, как он умудряется приезжать в суд вовремя и подготавливаться к слушаниям со своим ритмом жизни? Не удивлюсь, если в столичных хоромах у него запрятана Марья-искусница с тысячей и одним умением.

На самом же деле мне глубоко плевать на то, как друг ведет свои дела, если они не затрагивают мои интересы. Но на этот раз некомпетентность Сушинского стоила мне пары-тройки часов отдыха и комфортного перелёта. А всё потому что я решил ранним утром заскочить в офис за дополнительным экземпляром договора. Теперь вместо плотного завтрака и крепкого кофе перед полетом меня ждет Лёхин клиент. Надеюсь, что время будет потрачено не зря, иначе кому-то не отделаться денежным вознаграждением.

Вхожу в малый конференц-зал, бросая папку с документами на стол.

– Добрый день! – сухо здороваюсь, одновременно располагаясь за длинным столом, чтобы поскорей перейти к делу.

– Добрый, – шепчет испуганно клиентка до боли знакомым голосом. Позаимствованная мной штемпельная ручка из арсенала вышедшей, наконец-то, с больничного Ангелины Петровны тут же с грохотом падает на стол и катится к противоположному краю. Я сосредоточиваю своё внимание на движении предмета, ставшего очевидным доказательством бушующих внутри меня эмоций, наблюдая за тем, как его останавливает чужая худошавая ладонь. Молниеносная реакция сбивает женское дыхание, заставляя грудную клетку сойти с отточенного ритма. Я поднимаю взгляд выше, наблюдая за подрагиванием длинных непривычно тёмных ресниц, окаймляющих миндалевидные голубые глаза. Словно загипнотизированный, протягиваю руку, чтобы забрать ненавистный офисный атрибут, попутно соприкасаясь с холодными женскими пальцами с ненавязчивым светлым маникюром. В этот момент мои нервные окончания сносит наповал шквалистый ветер с противоположной стороны. На какое-то мгновение наши частицы становятся единым целым, а потом отлетают друг от друга, будто бы сила притяжения оказалась недостаточной для движения в одном направлении. Оторвав свою ладонь, прислушиваюсь к собственным ощущениям. Шестакова прodelывает одновременно со мной тоже самое. Мы синхронно встряхиваем пробитые статическим зарядом пальцы, и с недоумением поглядываем друг на друга. Наше недопонимание развивает по пространству грохот падающей на дубовую столешницу ручки, соскользнувшей с женской руки. Инстинктивно накрываю источник раздражающего шума и поддвигаю к себе.

Что она здесь делает? Спрашиваю себя я, поправляя манжеты на рубашке. И почему, чёрт возьми, её присутствие ощущается по-прежнему настолько ярко.

– Ты... То есть Вы, Анастасия, верно? – запинаясь, как первоклассник, впервые взглянувший на свою учительницу. Если так дальше пойдет, то из этого стола я не выйду, а выползу, превратившись во младенца со стекающими изо рта слюнями.

– Да, а Вы? — интересуется клиентка, приподнимая вопросительно бровь.

Если бы не взволнованный тон её голоса в трубке телефона, то я бы никогда не подумал, что у этой эффектной тридцатилетней блондинки могут быть какие-то проблемы с законом, кроме разве что устроенных собственным отцом.

– Максим Громов. Адвокат. Друг Алексея, – отвечаю не колеблясь, за что получаю скромный кивок головы. – Он попросил меня встретиться с Вами, потому что застрял в пробке – для пущей убедительности сцепляю руки в замок.

– А, – протягивает Шестакова, и тут же прячется в собственный панцирь. Я думал, что мы с этим покончили в прошлом, но нет. – Ну, я тогда пойду, наверное, да? – тушует, резко вскакивая со стула.

– Почему? – спрашиваю, вставая следом. – Стойте. Я могу Вам помочь, —произношу и сам того не понимая, подбегаю к девушке, успевшей за короткий промежуток времени добраться до двери. В тот самый момент, когда я инстинктивно хватаю Блонди за предплечье, пытаюсь задержать, меня снова прошибает мощный заряд энергии, что заводит все мысленные процессы, заставляя работать мозг на полную катушку. В голове раз за разом возникают интересные идеи по возвращению испуганной лани обратно за стол переговоров. Очевидно импульс отзывается ни во мне одном, потому что, вздрогнув, девушка затихает и, опустив голову, протяжно выдыхает:

– Извините, это личное.– В какой-то миг её грудь начинает подниматься всё чаще и чаще, а подбородок будто в замедленной съемке тянется вверх, открывая мне взор сначала на чужие ресницы, а потом и сами глаза. Всего секундное замешательство со стороны Шестаковой расставило всё по своим местам. Попытка обрести мнимую уверенность провалилась. – Для решения личного я привыкла привлекать только близких мне людей, —мимолетная слабость в зрачках моментально превращается в злость, но не лично ко мне, потому что пока я еще ничего не сделал, а к случившемуся, – а Вы в этот список явно не входите, – страх неизвестности заставляет молодую женщину дрожать словно ивовая ветвь на ветру.

Стреляя глазами в разные стороны, чтобы избежать повторного зрительного контакта, Настя прячется в собственный кокон, в котором, по её мнению, куда безопаснее.

– Анастасия, дайте мне пять минут, – прошу, поднимая руки. – Всего пять, – со стороны я кажусь уязвимым и слабым, но на деле же использую классический психологический приём. – Вы можете рассказать мне то, что произошло без подробностей и каких-либо фактов, – медленно и чётко произношу слово за словом, – Я не буду осуждать и постараюсь помочь.

Моя убедительность подкупает её. Посеянное зерно истины прорастает в головке, рождая закономерную мысль «похоже этот нервный сухарь – неплохой адвокат». Мне не нужно гадать. Я считываю это с языка её тела, что теряет на сотые доли секунд свою привычную собранность. Ну, и да, я чертовски уверен в себе. Но просветление в чужом взгляде быстро угасает, снова напрягая тело, превращая его Эверест, который покориться лишь самому-самому.

– Не уверена, что Вы сможете мне помочь, – сомневаясь в собственных словах, Шестакова хватается за дверную ручку, порываясь сбежать.

Предсказуемо. Придется действовать грязно, иначе не носить мне головы.

– Вы мне даже не дали шанса, – понижаю голос до едва различимого шёпота. – Чтобы человек Вам помог, Вы должны ему довериться. Кому как ни Вам об этом знать, – обрываю мысль на полуслове, надеясь, что прежняя Настя до сих пор сидит внутри этой самоотверженной женщины и сможет понять, что к чему.

– В смысле? – Блонди поднимает голову, вопросительно уставившись на меня. Мысленно ликую, растягивая рот в улыбке от уха до уха. Десять лет назад она вышвырнула меня из своей жизни как обертку от съеденной конфеты, и забыла не только вкус, цвет, но и сам фантик. А я как дурак лелею в памяти все воспоминания о ней. – Что Вы имеете в виду? – слегка отстранённо спрашивает, убирая белокурые пряди с лица, пытаюсь спрятать интерес. *Ха! Попалась. Я не дам тебе снова проехаться по мне танком девочка.*

– Юрист связан с потенциальным клиентом юридической тайной. Всё, что будет произнесено, показано или рассказано в этой комнате, останется здесь. Алексей не случайно Вас пригласил именно в этот зал. Это единственное помещение для переговоров, не имеющее прослушек и камер наблюдения, – для пущей надежности стреляю глазами в слабые точки комнаты.

– Почему Вы мне это рассказываете? – интересуется, поднимая подбородок выше, чтобы видеть мои глаза. Я не тушуюсь под уязвимым и одновременно пронзительным взглядом, хотя

мог бы легко повестись на их обсидиановый блеск. Понижаю голос до шёпота и словно змей-искуситель произношу:

– Хочу, чтобы Вы мне доверились.

Как всё же занятно использовать проверенные годами тактики. И как же офигенно ставить эксперименты над той, что сотни раз проделывала с тобой тоже самое.

– Вы считаете, что сможете меня убедить? – *противостояние во взгляде и надежда в голосе, что может быть прекраснее неподдельной яркости чувств?*

– Искренне хочу верить в Ваше благоразумие, – отвечаю тем же тоном.

Главное не улыбаться, говорю себе я, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу эмоции.

– Вы возненавидите меня, – сопротивляясь из последних сил, очаровательная маленькая женщина впивается ногтями в собственную ладонь и неотрывно смотрит на меня.

– Чтобы начать «ненавидеть», нужно хотя бы любить. *Уже и на философствования потянуло. Непорядок, нужно возвращать диалог в прежнее русло, а то мы так далеко не уедем.*

– Хотя бы? – Блонди часто моргает, очевидно переваривая только что услышанное, а затем спрашивает, – что еще так необходимо?

– Если Вам, действительно, интересно мое мнение на этот счет, то я Вам отвечу. После того, как Вы опишите проблему в общих чертах: область деятельности, результат, конкретная статья закона. Не важно, с чего Вы начнёте. Любая фраза расширит понимание и сузит поиск решения.

– Не думаю, что, – в который раз заводит шарманку белокурая Бестия, вынуждая поступать меня крайне бестактно. Перебиваю девушку, не давая закончить, что бы завершить раунд в никому ненужной эмоциональной игре.

– А Вы не думайте. Просто начните. После мы вместе подумаем. И по поводу моего мнения на Ваш счет, – начинаю, вспоминая молодую девчонку, озабоченную людскими умозаключениями, – я сам решаю, как и к чему относиться. Каждый из нас склонен терять объективность при оценке собственных действий.

– Через пару недель мне будет официально предъявлено обвинение в сокрытии улик, а также в причастности к убийству. Что Вы на это скажете? – глаза Белоснежки мечут молнии, разряжая воздух вокруг.

Восполнив недостаток кислорода несколькими мелкими вздохами, буднично произношу:

— Бывает, – для пущей убедительности киваю головой, как тот болванчик с приборной панели автомобиля. В нашем общем с Шестаковой прошлом они были почти в каждой машине. Казалось бы никому не нужные пыльные игрушки. А на деле же мощный инструмент для отвлечения внимания. – Давайте всё же присядем, – предлагаю, галантно указывая рукой на стол позади. – По-моему, нас ждет долгий разговор.

– Вы будете со мной говорить? – с интересом поглядывая на отодвигаемый для неё стул, девушка задаёт глупый вопрос, но так и не получив на него ответа, присаживается на своё место. Обойдя стол, располагаюсь напротив и включаю профессионализм на максимум:

– Я адвокат. И моя главная задача – защитить клиента. Раз Вы пришли за помощью, значит она Вам необходима. Причина, по которой Вы оказались в данной ситуации не имеет сейчас значения. Поэтому, если Вы не возражаете, мы перейдем к сути, – откидываюсь на спинку кресла, скрещивая руки на столе. *Оборонительная позиция.*

– Я глава муниципального образования в одном из центральных субъектов нашей страны. На данный момент полномочия мной официально не сданы, но по информации, поступившей от компетентных лиц, уполномоченных разрешать данные кадровые перестановки, это вопрос времени. На моё место готовят другого человека.

Неужели она стала частью того, что ненавидела всю свою жизнь?

– Меня интересуют существенные факты и обоснования.

– Когда оказываешься у власти, давящая сторона всегда хочет взять над тобой верх. Выбранная на старте роль неприступной крепости долгое время будет работать, вселяя в сердце уверенность, что ты непременно сможешь выстоять в изначально неравном бою. И у тебя даже получится играть не фальшиво. Но однажды ты станешь свидетелем ужасающей правды, которая перевернет небо и землю и намертво привяжет выбранную социумом театральную маску к твоему лицу. И ты будешь жить с ней изо дня в день, зная наверняка, что кто-то на раннем этапе твоей профессиональной карьеры решил играть грязно, проникнув в твою крепость не снаружи, а изнутри. Ему даже подкоп не потребовался.

И всё это будет работать исправно день за днём. Пока Ваши пути с режиссером-постановщиком не разойдутся. И у тебя не станет другого выбора, как подчиниться тем условиям, что он выдвинет. Но как только ты сменишь амплуа, отказываясь играть по правилам, таинственный «незнакомец» обставит всё так, что ты даже не заметишь, как собственными благими намерениями проложишь себе дорогу в ад.

Столько слов, а толку?

– Вы сейчас говорили слишком абстрактно и чересчур завуалированно. Суть я, конечно, понял, но мне бы хотелось услышать больше конкретики. Если это возможно.

– Наверное, – протягивает девушка, в задумчивости поглаживая собственные пальцы, – да. Только скажите для начала, в Вашей довольно короткой карьере были подобные случаи?

Снова по кругу. Нужно выбить из неё всю спесь, иначе далеко не уйдем.

– Будем обсуждать, как возраст влияет на профессиональную компетентность? – расслабляю мышцы лица, сконцентрировавшись на цели, и перехожу в наступление. – Если захотите меня нанять в качестве адвоката, то я лично Вам дам на руки свое досье.

– А если захочу?

Да, что же с тобой такое. Ты же юрист в конце концов.

– Анастасия Викторовна, Ваши манипуляции никому в данной комнате не интересны. Если Вы не верите мне сейчас, то о дальнейшем нечего и говорить.

В данный момент передо мной типичная избалованная женщина, а не та умная девчонка, что я когда-то знал. Надоело. Хватит сюсюкаться.

– Вы о чём?

– Доверие – залог успеха на любом этапе любой деятельности. Без него не имеет смысла продолжать этот разговор, – разжевываю неразумному ребенку, который сейчас сидит передо мной, очевидный факт, поднимаясь со своего места.

– А как я могу доверять Вам, не зная о Вас совершенно ничего? – летит в удаляющуюся спину.

– Ошибаетесь, Анастасия Викторовна, —приговариваю приторно и нарочито медленно, чтобы смысл впечатался, – Людская гордыня и поспешность суждений – не лучшие спутники для ведения дел. Главная задача адвоката разобрать на кирпичики проблему клиента и построить с нуля оборонительную крепость, что его защитит. Без пистолета и клея. А не по щелчку пальцев. Открывая дверь в мир законов, Вы ставите под обстрел не только себя, но и адвоката, взявшегося за поиск оптимального решения с минимальными потерями. Как боевой товарищ, он будет подавать Вам патроны и защищать со спины. Ему Вы либо доверяете, давая своего рода аванс, либо не пытаетесь пробовать, потому что без взаимодействия – не будет результата. А этот разговор считайте авансом в Ваше будущее, – нарочито медленно покидаю зал, выбираясь из душного замкнутого пространства. Позади слышу отточенный стук каблуков.

Как только моя ладонь касается дверной ручки кабинета, обладательница узких туфель на шпильке, уверенно произносит:

– Я Вас поняла, Максим, – замявшись на секунду, продолжает, выделяя каждое слово, – Громов. Всего Вам доброго.

Поворачиваю голову, чтобы ответить, но застываю на месте, разглядывая приближающуюся точеную фигуру с округлыми бёдрами в объемном пиджаке поверх ультра облегающего чёрного платья. Шикарная. Киваю в подтверждении собственных слов и с тактом прощаюсь:
– До встречи, Анастасия Викторовна. До встречи.

Встреча века

Максим

– Лёха, ну, зачем мне тащиться на это мероприятие? – интересуюсь у друга, что в этот момент повязывает на шею красную бабочку. Пижон при параде. —Ты ведь знаешь, что я совсем не люблю все эти глупые тусовки и встречи. В Америке наелся с головой.

—Макс, пошли, – отворачиваясь от зеркала, Сушинский приближается ко мне и хлопает по плечу, – разведемся, повеселимся, выпьем немного, – и, подмигнув, заканчивает, – на девочек поглядим.

—А после поедем в бар или напьемся дома вдрызг? – напрягаюсь всем телом, вспоминая наши прошлые вылазки. До знакомства с этим обалдуюем я был правильным парнем с кристально чистой биографией. – Уже проходили, – киваю, хватаясь за ручку двери, – только это в прошлом. Ты ведь помнишь, что я после того случая завязал, – заканчиваю диалог, даже не оборачиваясь. Сушинский догоняет меня в коридоре и преграждает путь. Зачёсывая назад длинную косую чёлку, заводит вновь свою шарманку:

– Макс, а можно хоть раз без занудства? Только подумай, сколько там будет девушек, – произносит мечтательно, – а ты не женат, успешен и красив, – перебирает варианты один за одним, но меня не трогает ничего из перечисленного.

– Вот потому-то и успешен, – восклицаю, поймав партнера по бизнесу на слове, – не пойду туда. Дамочки легкого поведения не в моем вкусе.

– Ну, не ври ты хотя бы мне, братан. Не поверю, что ты до сих пор «постишься». Столько лет прошло, а ты все туда же. Дружище, тебе скоро тридцатник. Еще немного и превратишься в сухой обгрызенный пень. А тут будут девчонки, причем весьма неплохие, – пританцовывает Сушинский, вырисовывая волны грудью. Из него бы получился отличный стриптизер, думаю я, когда этот мучачо совершает вращательно-поступательные движения бёдрами. Глаза бы мои этого не видели.

– Пошли, – выдыхаю, возводя руки к небу. Это вынужденная необходимость, иначе концерт без заявок затянется надолго.

На пути к особняку, в котором пройдет торжественное мероприятие российского бомонда, призванное обеспечить обмен опытом государственных служащих высшего уровня, Сушинский, вновь напоминает о себе:

– Братан, – Лёшка кладет руку на моё плечо и пытается сделать захват шеи, который я чудом умудряюсь предотвратить, вынуждая подстрекателя отточенным на ринге движением согнуться пополам.

– Слышь, братуха, – шепчу в ухо, надавливая немного сильнее на вывернутую руку, – я жду фантастического вечера, иначе потом тебе мало не покажется, – отпускаю партнера по бизнесу, не забыв потрепать кулаком по голове, заставляя волосы чёлки устроить настоящий бунт.

– Макс, ты козел, – поправляя вылизанную причёску, причитает друг. Отчаявшись вернуть первозданный облик своему волосяному величеству, Сушинский, решает ответить на мою колкость, – обижаешь, всё будет в лучшем виде.

Отреагировав на мой молчаливый кивок задумчивым взглядом, Лёха на некоторое время растворяется в собственных мыслях, но, опомнившись, как на духу выдает,

– А что там всё-таки с Настькой произошло?– В ушах звенит от пренебрежительного отношения к бывшей. Будто произносит не женское имя, а прозвище любимой телочки из Хацапетовки.

– Тебе так отчаянно хочется зацепиться за прошлое? – пытаюсь съехать с темы, пока всё не зашло далеко, и, скрывая возникающий в этот момент скептицизм, добавляю, – она уже не та, что раньше.

– Если Настя приходила, то ей нужна помощь, – тут же находится с ответом друг, отворачиваясь к окну, – причем серьезная помощь, – в ту же секунду его голова заходит в неспешном ритме подтверждения собственных слов, – иначе она бы не наступила на горло своей гордости.

– Нужна, – произношу без тени эмоций, – в этом ты прав.

—Ты уже меня несколько дней маринуешь, а толку? – интересуется Сушинский, вновь разворачиваясь ко мне лицом. – Сначала молчишь в тряпочку, затем яро цепляешься за возможность съехать с темы, сваливая по неотложным делам за границу, а потом и вовсе игноришь. Не по-дружески это.

– Это не более, чем твои домыслы, – ставлю точку в разговоре, заприметив открывающиеся ворота, что ведут на закрытую от посторонних глаз территорию. Кажется, что ни одна лишняя душа не просунется в это сборище разврата и порока. Но вся защитная мишура в виде тайных посланий, масок, анонимных приглашений – лишь жалкая попытка скрыть отвратительную суть самого мероприятия, внутри которого царит безрассудное безумие и вольность.

Удалившись от ярких вспышек фотографов, созданных на вечер лишь для того, чтобы запечатлеть лица присутствующих в разной кондиции, на большое расстояние, иду по тянущимся вдоль всей территории сада узким гравийным тропинкам, огражденным с обеих сторон высокими кустами, прямым в объятия душноты. Помпезность убранства ослепляет даже на улице, заставляя грудную клетку сжаться от чувства несправедливости. Тратить государственные средства на новомодную хрень, слизанную с запада ради того, чтобы пустить пыль? Можем, умеем, практикуем.

– Ладно, – сдаётся Лёшка и ощутимо бьет ладонью по плечу, —найду тебе цыпочку, чтобы загладить вину, – голос изрядно повеселевшего Сушинского треплет где-то за ухом, вызывая во мне реакцию ответить жестко и максимально понятно.– Как никак в своей родной стезе.

Я делаю вдох. Другой. Чтобы успокоить шальные нервы. А после разворачиваюсь на пятках и наигранно медленно произношу:

– Сухой, иди ты со своим курятником, знаешь куда? – распирающая меня злость отражается от хрупкой, стоящей позади, незнакомки, с блестящими, как смола волосами, что в свете предзакатного солнца напоминают нимб и подчеркивают благородные черты лица. Очевидно Сушинский добивался моей ответной реакции с двойным умыслом: выбесить для собственного удовольствия и акцентировать внимание девушки на мне. Достигнув цели, этот недобитый сводник ретируется в сторону особняка.

Мой крик вводит лесную нифму в ступор, но даже в этом состоянии она кажется совершенной. Цепкий взгляд скользит по серебряной ажурной маске, выделяющей невероятные голубые глаза, и опускается ниже к очерченным тонкими линиями вишневым губам. Ангельская сущность обладательницы пробивается сквозь изысканные движения кистей рук, подбирающих подол довольно откровенного платья с причудливыми полосами в районе груди, обнимающими некоторые участки тела не хуже мужских рук. Любой мужчина с нормальным уровнем либидо будет представлять на месте участков ткани свои крепкие пальцы и пытаться хотя бы мысленно сжать осиную талию. Обойдя меня сбоку уверенной легкой походкой с балетной грацией, девушка неспешно продолжает путь к Капитолию, оставляя после себя лишь прозрачный одурманивающий шлейф из яблок и соленой карамели. Подчинившийся первозданной красоте ветер, раздувает бесчисленные метры светлой ткани вечернего образа незнакомки, превращая их в ангельские крылья.

Через пару минут силуэт девушки растворяется за закрытыми дверями, а я ловлю себя на мысли, что впервые за многие годы смотрю женщине вслед.

Анастасия

Сегодня вечером в элитном коттеджном поселке пройдет ежегодный бал государственных служащих. Я как представитель властей обязана почтить своим присутствием столь важное мероприятие. Выбора у меня, как и у остальных нет. Командировочные выписаны. Система безопасности осведомлена о пересечении столичных границ. Иных веских оснований для отказа от приглашения нет и быть не может.

Я отношу себя к тем немногим, кто не испытывает ни капли удовольствия от возможности окунуться в роскошную жизнь на одну ночь. Не верю, что присутствующие не понимают, для чего был изначально создан сей банкет. И к каким последствиям может привести слепое обожание и поклонение. Меня же последний факт совершенно не беспокоит. С раннего детства отец насильно прививал мне устойчивость к подобным манипулятивным техникам, поэтому я не уязвима к такому явному вторжению со стороны. Вирус под кодовым названием «Клеврет» давно стал частью меня. И несмотря на то, что именно сейчас инфекционный агент перешел в наступление, заставляя клетки делиться всё чаще, я уверена, что в скором времени он вновь уйдет в спячку. Избавиться от него полностью, к сожалению, невозможно.

Среди народа бытует мнение, что государственное управление – показная форма власти, я же на своей коже убедилась в его абсурдности. Ты можешь бесконечно думать, что свободен в выборе, но реальность раз за разом будет тебя тыкать носом в ограничения и обязанности. За ширмой власти стоит не закон, а люди, в чьих интересах потешить свое эго, раздувая повсюду огромный ворох зеленых банкнот. Именно этим фактом я и собираюсь воспользоваться. Грех не задействовать то, что само плывёт в руки.

По моим предположениям на этом вечере будет довольно много знати: самые высокооплачиваемые юристы страны, представители русского форбс, теневая элита страны. Да и вообще сюда стекутся все, кто так или иначе причастен к денежному обороту и государственной службе. Особенно смешит присутствие членов российского бомонда, состоящее по большей части из нелепых, но знаменитых актёров, певцов, деятелей культуры. Но именно здесь, среди шума и гнетущей своей вычернустью цирковой эквелебристики, можно отыскать островок тишины для завязки дружеских отношений и новых знакомств с некоторыми из присутствующих, заведомо выделив среди бесчисленного множества гостей тех, с кем необходимо завязать тот или иной контакт. А в этом мне при должной заинтересованности и прочих дополнительных обстоятельствах равных нет. Правда для составления шортлиста предпочтений пришлось прибегнуть к помощи Кира, друга семьи и по совместительству телохранителя покойного отца.

На сегодняшний вечер я прибываю в провокационном длинном платье со шлейфом из новой летней коллекции *zuhaig mugad* с пикантным разрезом на левой ноге, доставшемся мне по ошибке стилиста. Я бы назвала его произведением искусства. Изысканностью на грани вычурности. Крестообразные соединения струящейся по телу ткани вытягивают силуэт, открывая взору самые озорные части фигуры. По плечам россыпью драгоценных камней вышиты узоры двух драконов, охраняющих священный храм небесной богини в районе груди. Белый цвет идеально сочетается с созданным в короткие сроки платиновым оттенком волос, с отличием в синий, производя на окружающих меня мужчин сногшибательный эффект. С момента первого появления на закрытой границе Капитолия я чувствую на коже пожирающие взгляды, полные похоти и разврата, что невероятно возбуждают мою заснувшую от вечных проблем женскую сущность.

Я могла появиться здесь около часа назад, до прибытия лишних людей, но по нелепой случайности оказываюсь на месте только сейчас. Наспех натянув на подведенные серебряным карандашом глаза маску в тон, открываю самостоятельно пассажирскую дверь, будто одна

минута спасёт от опоздания, и в три погибели выползаю из машины, запутавшись при этом в собственном длинном шлейфе. *Господи, ну, почему я не дождалась водителя, запоздало интересуюсь у себя?* Неприятный инцидент тут же попадает в объектив десятков подставных камер, что по неведомой причине были заведомо направлены на меня. *Небольшая интерлюдия на свежем воздухе призвана превознести жертву политических игр на высоты олимпа, а за своими стенами опустить на самое дно.* Во время движения вдоль кровавой ковровой дорожки фотографы просят сменить позу, репортеры, не смолкая, скандируют моё имя другие или задают провокационные вопросы, на которые я не знаю, что отвечать.

Налепив на лицо ослепительную улыбку, сдержанно отбиваюсь от нападков желтой прессы. Как никто другой, я знаю, как вжиться в нужную роль. Мне приходилось делать это изо дня в день всю сознательную жизнь так правдоподобно, что из моего настоящего исчезло самое дорогое, что когда-либо окружало меня.

Я научилась скрывать боль, счастье, радость, провалы и ошибки, но отчаялась отыскать ответ, как перестать чувствовать и не позволять своему сердцу бешено стучаться каждый раз, когда страшно. Как заставить бурлящую по венам кровь замедлить течение. Здесь и сейчас набатом в моей голове отбивает свой непостоянный, волнующий ритм почти умершая человеческая суть. Она боится услышать то, что так постыдно скрывает от посторонних. С чем не может ни с кем поделиться. С тем, что разрывает её, прокручивает через мясорубку каждую новую секунду заново, превращая нервы в фарш.

В своей панике я становлюсь похожей на параноика настолько, что обычные вещи начинают приобретать чуждые нормальному человеку оттенки. Замечаю то, что не хочу замечать. И вижу страх там, где его нет. Это сбивает столку. Я уговариваю Вселенную дать мне сил пережить этот вечер, подарив покой на последние несколько часов этого сложного уходящего дня. И кажется, у меня получается с ней совладать.

Постепенно тревогу сердца сменяет осознание неизбежности. Глаза привыкают к вспышкам камер, а тело, наученное следовать за светом, принимает самые причудливые позы их всех, что я когда-либо воплощала в реальности.

«Неправильные поступки порой приводят к правильным решениям» повторяю под нос себе священную мантру, медленно шагая по центральной аллее, ведущей в сад. Моё внимание привлекает журчащий фонтан по правую сторону. Смерив расстояние до особняка и интересующего меня искусственно созданного сокровища, спрятанного от любопытных глаз бесчисленными ветвистыми растениями, отклоняюсь от нужного маршрута и следую зову внезапно ожившего сердца. Я думала, что оно навечно закрыло свои двери, замуровав себя за стеной толстой слоя льда, и никогда не очнется. Чем ближе к цели, тем сильнее отражается от груди мышечный стук, что рефлекторно вызывает во мне мурашки. То и дело бегущие по рукам вверх-вниз под верхним слоем кожи, они напоминают маленьких зайчиков, согревающих и увлекающих в свою зеркальную страну.

Я так долго люблюсь окружающей действительностью, что не сразу замечаю незнакомых мне людей в костюмах. Мужчина повыше ростом хлопает другого по плечу и, прикрывая рот, шепчет нечто очевидно романтическое на ухо. *Боже мой, думаю я. Неужели нельзя прелюдию в другом месте разыграть.* Смеясь, обладатель красной бабочки, острых скул и вытянутого подбородка с однодневной щетиной, обходит друга со стороны и направляется в сторону дома. Я не могу разглядеть его лица, но уверенно представляю на его месте нарцисичного шута. *Интересно, совпадет ли моё представление о нём с реальностью?* Оставшийся на месте парень стоит ко мне спиной словно гранитное изваяние, созданное рукой величайшего мастера. Массивные широкие плечи натягивают ткань пиджака до предела. Натренированные руки пытаются скинуть напряжение, возникшее в теле от произвольной реакции на.. на шепот в ухо. *Какая же я глупая. Запоздало выдыхаю от осознания очевидного. Я бы не смогла простить миру, что такой редкий экземпляр мужской сдержанности гомосексуальный.* Повернувшись,

молодой человек, посылает в пешее походное своего знакомого, а после обескураженно смотрит на меня. На одном из нас нет маски, поэтому я могу оглядеть его с ног до головы без тени стеснения. Начищенные до блеска туфли. Черный костюм с прямыми брюками, идеально сидящий на прожаристом мужском теле. Гладко выбритый волевой подбородок. И ... глаза. Холодные. Серые. Обескураживающие. Я пытаюсь ухватить в памяти момент, когда видела их в последний раз. Неторопливо прокручиваю события в голове один за одним. Пока не дохожу до главного. Как только внутренний процессор соединяет последние обрывки воспоминаний воедино, подбираю подол своего платья и уношу ноги в сторону особняка. Чудом удаётся не запутаться в длинном шлейфе, что тянется от самых плеч.

Продолжая путь к Капитолию, вспоминаю обращение Громова, а это был несомненно он, к знакомому. Сухой. Так Максим его назвал. Перебираю варианты. Гербарий. Сухомлин. Сух.. Осознание очевидного обрушивается на меня лавиной заглушаемых годами эмоций. Я оставаюсь посреди дороги, не в силах сделать вздох без боли. Тем долговязым незнакомцем был Лёшка. *Мой Лёшка.*

В холл особняка, который арендовали для бала, вхожу с небольшим опозданием, но никто не замечает моего пренебрежения этикетом. Вот и славно, думаю, продолжая неспешное движение вдоль алой жаротрепещущей светскими беседами дорожки. Пока гости не расселись по своим местам, у меня уникальная возможность встретиться с людьми из списка. Жаль, что времени маловато. Но когда ты ограничен в ресурсах, нужно всего навсего нащупать другой выход.

Обсуждая полгода назад с Губернатором Саратовской области кадровые перестановки, мы сошлись на том, что я вполне могу попробовать себя на другом поприще. Амбициозная идея продвижения казалась дикой и необузданной до тех пор, пока меня заблаговременно не включили в список на выбор высшего должностного лица как представителя исполнительного органа региона. В тот знаковый день страх сменился бесконечным пребыванием в подвешенном состоянии. Еще бы. Всего одно голосование может переключить твою жизнь, кардинально поменяв расстановку фигур на политической доске.

До настоящего времени у меня не было никакого желания задумываться о смутных перспективах. Я привыкла жить здесь и сейчас, давно оставив позади иллюзорный мир. Но реальность в последние дни вносит постоянные корректировки, которым мне приходится следовать, иначе «здесь и сейчас» сменится на "от звонка до звонка".

На момент беседы с губернатором я была гордым обладателем розовых очков и потому мечтала продолжить свою благородную миссию по улучшению города, с оговоркой на семью. *Зачем мне эта высокопарная политика, думала тогда я. Возможности не зависят от места. Мышление предопределяет исход. Как глупо и однобоко звучат сейчас эти оптимистические заключения.* Мне потребовалось пару месяцев, чтобы иссяк запал. Всё, что казалось поправимым в обозримом будущем, полетело в бездну, разрастающуюся в диаметре с каждым новым днем.

Сегодня, когда я стою перед выбором "свобода" или "горячая точка" с уклоном на власть, сложно проявлять объективность. Перед глазами маячит единственная мысль "сдайся, или будешь повержен". Но я не из робких, потому решительно приступаю к исполнению плана Б, минуя незавершенный А. Этим вечером мне как никогда важно убедить в своей компетентности одного мужчину и парочку его приближенных. При равных возможностях велик шанс одержать победу тому из конкурсантов на замещение выборной должности, кто так или иначе подтвердит свою экспертность. А я готова постараться, чтобы это проверить.

По слухам Осипов Анатолий Гафирович— не только самый ярый претендент на роль председателя Совета Федерации, но и принципиальный человек с большой буквы. Низкорослый образованный пятидесятилетний мужчина с жидкими черными волосами до плеч и хоро-

шими познаниями в области права. Умудренный опытом и крайне избирательный. На его счету немало дельных предложений и подписанных законодательных актов.

Добиться протекции от его лица практически невозможно, потому что он не приемлет открытого продвижения за свой счет. Но Анатолий Гафирович со слепым обожанием относится к применению аналитического ума во благо государственного устройства. Поэтому моя главная задача на сегодняшний вечер – проявить себя с необычной стороны. .

Во время подготовки я пару раз размышляла о том, чем конкретно Осипов сумел зацепить сборище не только Совета Федерации, но и Государственной Думы. Не поверю, что правильно подобранные в момент фразы способны вознести простого смертного к небесам. По всей видимости людей поразило незамасленное отношение расторопного мужичка средних лет к неожиданным поворотам судьбы. Его точные, острые и объективно точные слова на заседаниях —словно удар по правилам. Несмотря на то, что Анатолий Гафирович культурный, образованный, сдержанный человек, открытый для обращений и общения. Его нынешняя должность полностью это подтверждает. На данный момент он советник президента Российской Федерации по вопросам экономического развития и социальной сферы. По слухам доверенных лиц, Осипов решил расширить список сфер, которые на данный момент охватывает его должность, чтобы иметь возможность не только высказать свое мнение и идеи, но и привести их в исполнение в случае высокого процента голосов на соответствующих собраниях Совета.

На мой взгляд, он ведет свою игру, утаивая главную цель – войти в Совет. За столько лет ему явно надоело быть на побегушках у президента, а сейчас у него есть превосходная возможность стать официально третьим лицом государства, чьи слова будут не просто звуком или рекомендацией для высшего лица, а будут услышаны, приняты к сведению и с высокой долей вероятности приняты на законодательном уровне.

Осипов – не дурак. Он бы не пытался лезть через стену, зная, что не сможет её разбить. Несколько лет он готовил себя и свой круг приближенных к захвату Совета, чтобы заполучить возможность продвигать идеи в народ. Кир вскользь упомянул о тайном сообществе «ОСА», которое якобы в будущем собирается сместить нынешнюю власть. По правде говоря, в это я с трудом верю, считая секретную организацию заманчивой перспективой для тех, кто уже давно устал от сегодняшнего уклада страны и хочет перемен. Такие люди пойдут за главарем, который обещает горы, на всё. Главное знать, что обещать. А в этом он прекрасно знает толк. Поэтому сегодня мне придется ему немного подыграть.

Идея с разрезом на грани дозволенности поначалу казалась немного безрассудной, а сейчас я на вершине блаженства. Произведенный платьем эффект побил все мои ожидания: мужчины сворачивают головы, а женщины в сторонке манерно обсуждают распутную девицу с платиновыми волосами в столь откровенном для мероприятия образе. Перемены оттенка блонда, согласно полученным данным должны сыграть мне на руку. Нужный мне для осуществления плана человек предпочитает светловолосых неискушенных макияжем и филерами молодых дев в белых одеяниях. Он помешен на невинности и слабости противоположного пола, чем я непременно собираюсь воспользоваться.

Проходя мимо Осипова, я путаюсь в длинном шлейфе, ниспадающим с моих плеч, и неуклюже спотыкаюсь о собственную ногу. Пытаясь удержать равновесие, хватаюсь обеими руками за кого-то из его окружения. Сильные руки оборачиваются вокруг моей талии, не давая упасть. *Эффект произведен, что надо, думаю я, в очередной раз поражаясь не бывалой ловкости.* От собственной нерасторопности тело приобретает пурпурный оттенок, напоминая белоснежную розу с оттопыренными в разные стороны лепестками, помещенную в тару с красителем. *Не удивлюсь, если и до волос дойдет.* Моё желание поблагодарить персонального спасителя за неожиданную работу, проделанную без страховки, гаснет, стоит только повернуть голову.

Напрягаю собственные извилины, пытаюсь вычлени́ть что-то благоразумное. На ум приходят только заученные на уроках этикета фразы, поэтому я останавливаю мыслительный процесс в собственной голове и принимаюсь рассыпаться в однообразных приятностях, наблюдая боковым зрением за тем, как внимательно Осипов оглядывает нашу странную парочку.

– Прошу прощения, – хихикаю, закрывая рот ладошкой, —немного запуталась в подоле платья, пока бежала к столу, – мужчина не спешит меня отпустить, создавая с каждой минутой еще большую неловкость между нами. Наши тела почти соприкасаются друг с другом. Его руки обнимают обнаженные участки моей талии. А глаза.. пронзительные серые огоньки смотрят в мои, испепеляя их дотла своей несокрушимостью. – Спасибо за помощь, – произношу едва дыша, – его взгляд опускается ниже, концентрируясь на ложбинке груди, что в этот момент предательски выдаёт моё волнение. *Какой к чёрту этикет, раз этот гад созерцает то, что запрещено?* Провожу ладонями по плечам галантного незнакомца. В попытках отыскать дополнительную опору, смыкаю руки на шее и приподнимаюсь, чтобы оказаться с обладателем длинных черных ресниц поближе. – Ммм, – протяжно стону, продолжая разыгрывать собственную партию, – Как Вас зовут, спаситель? – выдыхаю, нечаянно касаясь чужого уха. Отвожу взгляд в сторону и возвращаюсь обратно, невинно хлопая глазками.

В ответ мне звучит решительное и твердое:

– Максим Громов, – друг Сушинского умудряется моментально собраться. При этом даже бровью не ведет. *Стопроцентный адвокат.*

– Вы мне очень помогли. Я безмерно Вам благодарна, – наше тесное сотрудничество со стороны больше напоминает прелюдию к сексу. Пора заканчивать нелепый цирк. Иначе Осипов примет меня за девушку легкого поведения, а не за ангела.

– Не за что, Анастасия Викторовна, – доносится до меня едва различимый шепот со стороны, а потом сильная рука отрывается от талии и ведёт едва ощутимую дорожку вдоль длинного рукава к своей шее. Осторожно касается моей ладони, отводит в сторону, разрывая контакт тел, и танцевальным движением возвращает мне опору под ногами. Сам Громов галантно поклонившись, отходит на один шаг.

– Анастасия Викторовна. Шестакова? – подхватывает диалог Осипов, неожиданно приблизившись к нам. В его руках два бокала шампанского, один из которых он любезно протягивает мне, – угощайтесь. – Выдержанный, словно дорогое французское вино, взгляд недвусмысленно елозит по моему лицу, соскальзывая к оголенным участкам тела, которых совсем недавно касались чужие руки. Дыхание сбивается, когда мужские худощавые пальцы крепко сжимают сосуд с напитком. На месте бокала я представляю своё сердце, что неожиданно поймали и посадили в замкнутое пространство словно экзотическую бабочку. *Очевидно, Гафира младшего заводит не само обладание, а возможность распоряжаться и контролировать процесс от начала и до конца. В куколки любит поиграть, недобитый кукловод.*

– Благодарю, – опускаю взгляд в пол, делая вид, что отпиваю благородный напиток, ускоренно продумывая новые ходы.

– Какая приятная неожиданность, – восклицает план «Б», заглянув на моего спасителя, стоящего позади. Недвусмысленное поведение вынуждает вернуться вновь к прежней точке остановки. – Не ожидал Вас сегодня увидеть, – радостно восклицает Осипов, при этом его суровый, но тем не менее лукавый взгляд, мечется между мной и Громовым. *Что за чёрт?* – Рад, что Вы все же смогли почтить нас своим присутствием, Максим Александрович, – бархатистый чётко поставленный голос, диссонирующий с внешней мелочностью, подчеркивающей изрядно проявленную лощёность, разносится по всему залу. Поднятая в воздухе жилистая рука с шампанским, моментально приостанавливает всеобщее веселье, акцентируя внимание на нашем трилистнике.

– Анатолий Гафирович, я тоже рада Вас видеть, – произношу после пламенной тирады восхищения и радости, – простите за столь нелепое появление, – поправляю длинные рукава

платья, подтягивая их к себе в попытках спрятаться от чрезмерного внимания со стороны, преследуя подобными жестами весьма корыстную, но очевидную, цель.

– Ох, что Вы, Анастасия, – льёт Осипов словно мёд, что вызывает во мне единственное желание – достать жало и воткнуть его по самое не хочу в одно конкретное длинное место, – Ваше платье замечательно отработало косячок за Вас. – В ответ я растягиваю рот в широкой улыбке. – Как Ваши дела? – интересуется советник президента, засматриваясь не туда, куда нужно, – помнится мне, что Вы глава города одного из Поволожских районов?

Как всё же быстро работает личная система охраны Осипова. Не удивлюсь, если они успели поднять архивные данные моего покойного отца.

– Все прекрасно, – сдержанно отвечаю, и в подтверждении собственных слов, закрываю глаза, растворяясь в блаженной нежности к себе. В эту секунду мои мысли уносятся в уютную комнатку собственного бревенчатого дома на побережье. Отметаю в сторону слабострастные мысли, и продолжаю диалог, – очень приятно, что кто-то знает меня в лицо, – пальцы как бы невзначай касаются ушной раковины в попытках поправить выпавший локон, – всё же городок у нас довольно маленький, – пожимаю плечами и глазами трепетной лани смотрю на собеседника.

– Ох, что Вы Настенька, – восклицает Осипов, расходясь в безудержном довольном смехе, – на Ваш город молиться нужно. Посмотри, сколько энергии благодаря Вашим станциям ежедневно производится, – его руки обводят пространство по периметру, демонстрируя тысячи маленьких диодов и ламп. – Экономика нашей страны держится на таких крошечных городках, как Ваш.

– Ваши слова да президенту в уши, – непроизвольная смешинка вырывается из меня также же нелепо, как капли тающего мороженого слетают с вершины вафельного конуса. – А если серьезно, то после сказанного Вами, захотелось продумать план мероприятий для выражения восхищения жителям своего района и запустить региональную акцию «Благо в дар» на регулярной основе. Без них, не было бы нас.

Высказанная идея доставляет удовольствие непомерно высокому самомнению Осипова, вынуждая его изменить созданное ранее впечатление обо мне:

– И правильно. Верно мыслишь! – выдыхаю, чувствуя вкус победы в раунде-знакомстве. Она лишь первая в череде битв во благо собственной свободы, но точно не последняя.

– Добрый вечер! – раздаётся позади меня звонкий мужской голос, который узнаю из тысячи ему подобных. От неожиданности вздрагиваю и веду плечами, соприкасаясь голой кожей с приятным плетистым материалом чужого пиджака. В своё время я заслушалась звучания воздуха подобной силы, высоты и тембра до кровавых ран на собственном теле.

Затянувшуюся паузу прерывает Осипов, раскрыв руки в приветливом жесте:

– Алексей, дорогой, как я рад тебя видеть. Познакомься, – протянутая ладонь Анатолия Гафировича указывает в мою сторону, – Анастасия Викторовна, глава Балаковского района. Хотя ты и так должен ее знать. Не иначе как в одном месте выросли, – подмигнув нам обоим, переключает всё внимание на только что подошедшего официанта.

Мы смотрим друг другу в глаза лишь сотую долю секунды, но её достаточно, чтобы успеть заметить отсутствие хотя бы какого-то конекта. Прошлое осталось в прошлом. Я отчаянно верю в это. Другого пути быть не может. Всё переболело. Забылось. Как страшный сон. Я хочу ощущать пустоту, но вижу, как мужской кадык дергается, когда полный неожиданности взгляд соскальзывает с лица, концентрируясь на оголенной части груди. Я перестаю дышать. Боюсь, что сорвусь, если вдохну хотя бы раз. Пока призрак прошлого исследует территорию, я продолжаю упрямо смотреть вперед. В месте незримого, но осязаемого прикосновения печет, будто Сушинский мысленно выжигает на моей коже древнеславянские руны, спускается ниже, к участкам, не покрытым ткани. Остановившиеся биометрические часы снова начинают изда-

вать свой противный тик, размазывая выпавшие секунды по нашей реальности. Вернувшись обратно, Лешка с сожалением поглядывает на меня, а я растягиваю рот в лучезарной улыбке.

– Вы правы, Анатолий Гафирович, – отвлекаюсь от собственных мыслей, приоткрывая завесу тайны, что вызывает яркий проблеск заинтересованности, – но нас объединяет больше, чем Вы думаете, – оцениваю прохождение по повзрослевшему Лексу, теперь я имею право тоже провести обзорные и розыскные мероприятия, и вернув внимание к собеседнику, заканчиваю начатое, – мы вместе учились.

– Какая приятная неожиданность, – Осипов так напыщенно и демонстративно хлопает в ладоши, что у меня закрадывается шальная мысль об очень удачной постановочной сценке, срежиссированной по наводке советника президента для местных зевак, – выходит, сегодня мини-встреча поволжских выпускников, – торжествует, будто бы выиграл в лотерею миллион. – Вам нужно обязательно посидеть тет-а-тет, – тихонько шепчет на ухо Сушинскому, зная наверняка, что я услышу

– Возможны Вы правы, – сдержанно отвечает Лекс, чем несказанно меня удивляет. Неужели балагур превратился в примерного мальчика? В жизнь не поверю в такие разительные перемены.

– Старички мудрее молодежи, – заключает Осипов, и удаляется, не забыв прижаться сморщенными губами к тыльной стороне моей ладони. Подобным образом он обозначает паузу в любом разговоре с дамой. *Как говорить, воспитание деньгами не пропьешь.*

– Ну, что, друзья, – обращается с трибуны Осипов, – пора бы уже начать этот дивный вечер.

Максим

– Что она здесь делает? – сжимая в напряжении губы, интересуется Сухой, и направляется к столу.

– А я откуда знаю? – заявляю как бы, между прочим. На самом деле во мне бурлит целая бактериальная система из чужеродных организму эмоций, что я с потом и кровью выводил из себя долгие годы. *Неужели всё насмарку?*

– Ты ведь раньше меня пришел, – перехожу в наступление, пока не сдал себя с потрохами. Тайну нашего знакомства знаю только я. Так и должно оставаться. *Пока.*

– Черт, Макс, – стонет Леха, внезапно остановившись. Чудом удается избежать столкновения с другими гостями. Я беру безутешного Ромео за локоть и увожу в сторону от всеобщего безумия. В это время он настукивает кулаком по собственному лбу. Выбить из себя дурь ему не позволяет собственный хребет, а вот создать видимость великих дум у него всегда получалось неплохо.

– Бываю, конечно, – пожимаю плечами, убирая руки в карманы брюк, – но все же, почему снова я крайний в твоих любовных делах? – *Мой интерес сугубо деловой. Я должен понимать, утаивает ли Сушинский в настоящем моменте какую-либо связь между ним и Шестаковой.*

– Потому что с ней всё всегда идет не так! – выкрикивает Сухой, сжегивая слово за словом в попытках совладать с рвущимся изо рта ядом. – Ты видел, как она посмотрела на меня, как только я подал голос?

– Нет, – обвожу взглядом окружающую обстановку, вылавливая в черед бесконечного дешевого мерцания сказочное голубоватое сияние. Словно зачарованный брожу по мрачному старому лесу, объятom сверху донизу полупрозрачным туманом, выцепляя мелкие детали из позолоты на стенах, потолке, в деталях стола и мебели, чтобы только не замечать благородного синеватого блеска.

– Эх, такое шоу глазами пропустил, – вырывает из небытия голос Лехи. Я вновь присматриваюсь, чтобы оценить верно мужскую реакцию на гостью из прошлого, а получаю поддых от нахлынувшей меня злости.

– Ну, и что с того? Тебе хватило одних хлопающих ресничек, чтобы растечься лужицей? – чудом удаётся совладать с тоном.

– Она не хлопала ресничками, – бросается на защиту Сух, и для пушей убедительности запускает пальцы в и без того не идеально уложенную чёлку.

– А что она делала? – указывая головой на наш столик, закидываю небольшую приманку.

– Пыталась выпотрошить меня, – шепчет Леха, вызывая внутри меня безудержную волну смеха.

– Ресничками? – сдерживать эмоции становится всё труднее.

– Глазами, – в этот момент Сушинский таращится на меня, как на дебила. *Честное слово. За десять лет тесного взаимодействия это впервые. Неужели перегнул?* – Блин, как ты не понимаешь, она любые чувства свои всегда глазами показывала. Чтобы не случилось, стоит как оловянный солдатик. Ни малейшей слабости. Машина, способная на все. А если в глаза заглянуть, то утонешь в боли, что они скрывают. Конечно, пришел я к понимаю далеко не сразу, зато сейчас мои инстинкты просто кричат о ее гнев ко мне. Но за что? Столько лет прошло. Обиды уже можно забыть. Да и ты сам сказал, что она пришла ко мне за помощью, но из-за опоздания отказалась от услуг.

– Мне откуда знать, Лех, о причинах ее гнева? Я в Ваших отношениях ни разу участие не принимал, Вас вдвоем никогда не видел. Может ты всё же в прошлом что-то особенное натворил, кроме измены? – подрабатывать бесплатным психологом для меня не в новинку. Как раз с этого и началась наша так называемая «дружба» с Сушинским.

– На самом деле даже сейчас я не совсем понимаю, что произошло тогда, – признаётся Леха, чем окончательно ставит меня в тупик. Я реально думал, что за полгода наших скитаний в поисках ответов на жизненные вопросы, он выбросил Настю из головы.

Оказывается, болезнью, названной в честь Шестаковой, болеем мы оба. Причём один из нас даже не догадывается, об этом. Как и том, на сколько разнится симптоматика и длительность редкого и весьма едкого заболевания. – Да, я переспал с той девкой, но и что с того? – скидывает руки Сух, и тупится взглядом в ближайшую стену, – мне ведь подсыпали наркоту в стакан. Я не особо-то и виноват. Да и вообще, какое это имеет отношение, если она меня сама б-ро-си-ла? – обиженный мальчик вырывается наружу. Специалиста что-ли порекомендовать. Мои бесплатные консультации имеют ограниченный спектр действия. – Наши пути разошлись в разные стороны, будто ничего не было. Столько лет постоянства коту под хвост. Всё закончилось слишком неожиданно, – закончив выливать свои эмоции, Сушинский встряхивает плечами, и как ни в чём не бывало движется к столу. Его напряжение выдают рваные движения рук и скованные плечи.

– Может ты просто не помнишь всего? – намекаю, когда мы рассаживаемся по своим местам.

– Макс, ну, я же не настолько дурачок, – второй раз за этот вечер он смотрит на меня как на дебила, что изрядно подбешивает. – Помню. Не так, конечно, ярко, – задумчиво потирая подбородок, Сух продолжает погружение в омут памяти, – но помню. Даже как под воротами больницы стоял в надежде, что она передумает.

– Лёха, я думаю, что ты всё же о чем-то забыл, – отвечаю, отрезав приличный говяжьего стейка. – Ну да ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Сегодня мы не на заседании, можем расслабиться. Ты ведь для этого меня пригласил или нет? – помещаю в рот мясной кусок, растворяясь в божественной мягкости волокон. *Похоже я никогда не привыкну ко вкусу настоящего.*

– Конечно, брат, – сменив задумчивость на улыбку, Леха принимается за свой стейк, – вылетело из головы.

Половину блюда спустя, Сушинский вновь взывает к моей совести:

– Можно я тебе последний вопрос задам, и мы оторвемся по полной?

– Валяй, – расстёгиваю пуговицу на смокинге и принимаю расслабленную позу, – ты ведь не отстанешь, я тебя знаю.

– Настя не называла причину своего прихода в наш офис? – снова заводит шарманку Сух, чем выводит меня из себя. Один морской взгляд стер все десять лет его распутной безоблачной жизни.

– Леха, ну, что ты заладил, – хлопаю друга по плечу, – десятый раз за последние дни этот вопрос задаешь. Если бы сказала, думаешь, я бы молчал? Да и ты бы уже прочухал. Будто не знаю твои следопытские замашки.

– Ой, скажешь тоже, – отнекивается Сушинский, расслабляясь. *Наконец-то.* — Сколько лет дружим, а ты как закрытая книга. Обложку показал, а до сути фиг докопаешься. Еще скажи, что я не прав? – повернувшись, партнер по бизнесу выжигает на моем теле только ему известные иероглифы.

– Приехали, – выдыхаю сквозь губы. – И что я должен на это ответить?

– Вопросом на вопрос отвечать не корректно, – заявляет пижон с красной бабочкой, лбясь во все свои тридцать два. *Может на ринге состарить этот надоедливый факт?*

– Что-то когда ты по vip-ресторанчикам шляешься, снимая разнокалиберных однодневок, про правила, законы и совесть напрочь забываешь. – *Не люблю рыться в чужом белье вне работы, но сейчас его личные загоны переходят рамки дозволенного.*

– Не, ну, чего ты в самом деле, – тушется Леха под моим суровым непроницаемым взглядом, – я же пошутил.

– А я юмор не воспринимаю, – в этот момент любая современная девочка с сайта знакомств бы ответила «Что-то на серьезном, да?».

– Вот как ты еще не помер-то без юмора? – хватаясь за сердце, интересуется Сухой.

– Мне больше интересно, почему такой червь, как ты, все еще жив, – хватаясь за ножик с вилок, врезаясь последней в салатные листья.

Вопрос Сушинского «Что она здесь делает?» поставил меня в тупик. Я и сам бы хотел отыскать ответ на него. Уверен, что самое важное как и всегда лежит на поверхности. Помимо должностных обязательств особой в белом движет неизменный инстинкт любого здравомыслящего человека – выжить любой ценой. И я ни капли не утрирую, вспоминая о приемах, которыми она руководствовалась в далеком прошлом, надеясь получить желаемое. «Тщательно продуманный образ – основа любого дела», – именно так заявила пьяная нимфа в одну из наших последних посиделок. Тогда я впервые обратил внимание на скрытую грань её настоящей личности. И это, как ни странно, не отпугнуло меня, а впечатлило.

Сердце колошматит как умоленное, когда до него доходит, что, собственно, случилось. Не понимаю, почему сразу не распознал в уличной незнакомке Шестакову? Поразила образом? Смешно. Меня сложно удивить. Но что греха таить, её внешний облик идеален с головы до ног. Голубой оттенок волос гармонично переплетается с редкими осветленными прядями, элегантно уложенными волной на одну сторону. Примечательные вырезы ткани на теле, созданные рукой по меньшей мере причудливого и в тоже время весьма одержимого женщинами мастера, едва оставляют пространство для воображения, рождая в голове слишком интимные мысли. Господи, да после одного прикосновения к голой коже, мой лучший друг чудом удержался в штанах, а мозг заклинило на одной лишь мысли «хочу».

Хотя чему я удивляюсь? Всю школьную жизнь она любила выглядеть так, словно вечером ее ждет скрупулезное жюри, перед которым нельзя было упасть в грязь лицом. У нее определенно с ранних лет присутствовал свой, никем не навязанный, стиль. Шестакова умела сочетать несочетаемое и выглядеть при этом на все сто. Память подкидывает самые любимые образы: серый сарафан с желтой блузкой, маленькой брошью — солнцем и туфельками на изящной танкетке, бирюзовый облегающий как вторая кожа спортивный костюм на уроках физкультуры и тренировках по танцам. Простота, оригинальность, внимание к деталям — три кита,

на которых, словно в доисторических рассказах, держится авторский замысел привлекательности. Именно этим она и воспользовалась минувшим вечером, произведя фурор внутри одного маленького управленческого государства.

Но мне больше всего интересно, как трехуровневый каркас, на котором строится не только отношение этой девушки к одежде, но и к жизни, треснул? Что сломалась в той Насте, что я когда-то давно знал и любил? Довольно странно, что после всех открывшихся фактов, я по-прежнему желаю знать ответ на свой вопрос.

После нашей первой за десять лет встречи белокурая девушка не покидала мои мысли даже ночью. Несмотря на мучительные перелеты и загруженный график работы, я размышлял, о том как ей помочь.

Люди привыкли полагать, что у сильных личностей нет слабых мест. Но они ошибаются. Все личности – люди. А у них, априори, есть слабости. У меня одна. Независящая от времени. Самая страшная. Неизлечимая. Тяга к женщине. К одной лишь женщине. И сколько бы я не пытался избавиться от этой слабости, всё бесполезно. Я зависим от нее.

Из собственных мыслей меня вырывает голос ведущего, появившегося на сцене, как черт из табакерки:

– Дорогие гости нашего вечера. Приглашаю к участию в необычном, но весьма интересном конкурсе. Мне потребуется 5 женщин и 5 мужчин.

Анастасия

– Настюша, дорогая, пойдешь поучаствуешь, – подгоняет Осипов, привлекая мое внимание к сцене. За последний час наши отношения изрядно потеплели. Причина тому початая бутылка коллекционного вина и честная беседа о наболевшем. – Тебе просто необходимо встряхнуться. И вон шалопая того возьми, а то он изрядно заскучал, – указывает на Сушинского, понуро склонившего голову за соседним столиком.

– Хорошо, дядя Толя, – соглашаюсь, мысленно проклиная всё на свете. Я ожидала многого, но не танцев с бывшим в кругу кишаших ядом змей.

– Ступай девочка, – шепчет Осипов голосом предводителя доминирующего клана вампиров из Сумерек. С тех хлопков в ладоши он ассоциируется у меня только с ним. Внешний облик буквально взывает к первобытному инстинкту поклониться и спрятаться. Не удивлюсь, если он однажды убил, чтобы занять своё место. Такие холодные, внешне интеллигентные личности часто скрывают под своей маской абсолютное зло.

– А ты, дружок, чего сидишь? – интересуется Анатолий Гафирович, приближаясь к Громову. Я не спеша прохожу мимо, отдавая мужчин шлейфом нового цитрусового аромата. – Иди поучаствуй. С девушками время весело проводи, – заговорщически шепчет на ухо, указывая головой на меня. – Я бы тоже пошел, если бы спину не прихватило, – демонстративно сгибается, разыгрывая настоящее представление. – Развлекись немного, а то лицо будто кирпича просит.

– Анатолий Гафирович, не люблю я все эти конкурсы! – гневно выплевывает Громов, презрительно оглядывая участниц предстоящего танцевального междусобойчика. Его реакция на женщин понижает мою априорную оценку адвокатской личности, заставляя пальцы сжаться в кулаки. Вера в то, что явный ненавистник противоположного пола способен защитить кого-то слабого тает на глазах.

– А сидеть с кислой миной – похоже твое любимое занятие? – стреляет словами Осипов, заводя Макса в тупик. До чего забавно наблюдать за тем, как расширяются зрачки работника Сушинского, а сам он больше напоминает немощную рыбу, выброшенную неожиданно на берег, чем акулу, держащую в страхе весь подводный мир.

– Ну, скажем так, – выдерживает драматическую паузу Громов, скривив в задумчивости брови, – в этом отчасти заключается моя работа.

– Ой, будет тебе, – давясь от смеха, Анатолий Гафирович присаживается на свободный стул, – но все равно, походи, поучаствуй, растрясси набранные за вечер килограммы. Может мадаму себе какую приглядишь, – подмигнув, Осипов переходит в наступление, – Алексей говорил, что у тебя ни жены нет, ни детей. Разве дело это? — *праведник из Осипова так себе, конечно, но если работает, то я готова добавить пару очков к оценке его личности.* – Хватит скакуном ходить, пора остепеняться.

— Ладно, черт с Вами, – сдаётся Громов, – пойду, разомну косточки.

– Вот и правильно, дружище. Вот и правильно.

Я провожаю взглядом мужскую спину, двигаясь к сцене неспешно, впервые задумываясь о том, а кто собственно такой Максим Громов? И почему Осипов так с ним обходителен?

– Дамы и господа, – начинает ведущий, – число девушек и мужчин не случайно равное. Я прошу разбиться вас всех на пары, – и после затянувшейся паузы в ожидании реакции от участников конкурса, заканчивает мысль, – кавалеры приглашают дам.

Я мысленно переминаюсь с пятки на носок, мучаясь от ожидания. Тревога одолевает меня, накатывая попеременно волнами разной силы. Только бы не он. Только бы не он, нашептываю себе под нос, разглядывая стены Капитолия. Комичные средневековые гравюры, аллегорические и исторические портреты, обличенные в помпезные позолоченные рамки, десятки бронзовых жирандолей, увенчанных сотнями хрустальных подвесок и скульптурными деталями, созданных по образу и подобию интерьера российского императорского двора. Слишком претенциозно.

– Позвольте пригласить Вас, – доносится до меня галантное предложение мужчины. Оно вырывает моё сознание из мира грез. Я переносу всё внимание на протянутую руку и невольно люблюсь крупной мощной ладонью. Поднимаясь выше, скольжу взглядом по предплечью, оценивая сильные мускулистые плечи, запечатанные в черную ткань. Взираюсь, как горный маньяк, дальше, сталкиваясь с прямым обжигающим взглядом графитовых глаз.

– Максим Александрович, — мой голос, словно звучание лиры, проливается на свет протажно и едва ощутимо, – я польщена, но вынуждена отказать.

Брови напущенного чурбана ползут вверх, а перевожу внимание на пол, разглядывая мерзкую красно-желтую плитку на полу, намереваясь в бесколловом кружевном безумии кровавых завитков обуздать собственные эмоции.

– И почему же, позвольте узнать? – Мужская ладонь сжимает мою чуть крепче положенного, что наводит на вполне закономерную мысль. Тело мысленно совершает кульбит, радуясь маленькой победе. *Привыкай проигрывать, успешный из самых успешных адвокатов страны.*

– У нас разное мировоззрение, – чуть поразмыслив над вопросом, выдаю первую более или менее адекватную мысль. *Честно? Значит уместно.*

– Вы это поняли за наш пятиминутный разговор? – интересуется собеседник, не думая прекращать оборонительные действия. *Мне бы его целеустремленность. Издалека мы напоминаем парочку мистера Дарси и Элизабет. Упрямые и отчаянно не желающие близости.*

– Ох, нет, – протягиваю, – я поняла это гораздо раньше, – на удивленный взгляд Громова не ведусь, но мысль заканчиваю, — как только Вы вошли в конференц-зал.

– Весьма не дурно, Анастасия Викторовна, – несостоявшийся адвокат защиты убирает руки в карманы брюк, – но не думаете ли Вы, что могли допустить ошибку в столь сложном анализе? – в его голосе столько ехидства, что мне едва хватает сил противостоять рвущемуся наружу гневу.

– Ёрничаете, Максим Александрович? – скрещиваю руки на груди и поднимаю бровь, копируя громоздкий удивленный взгляд. Мужские губы, сложенные в трубочку в задумчивости проделывают целый оборот, а потом выдыхают:

– Скорее интересуюсь.

– Вы указали на некорректность моего суждения, но похоже сами не уверены в том, что ошибка, действительно, имеет место быть?– *Кто-то должен поставить этого всезнайку на место.*

– Я не отрицаю такой возможности, – Громов пожимает плечами и поднимает свой глубокомысленный серый взгляд на меня.

Наша словесная перепалка неожиданно прерывается голосом ведущего:

– Все участники разделились по парам, – наши головы синхронно поворачиваются в сторону источника звука, и через мгновение возвращаются обратно. Взгляд каждого кричит о глупом недоразумении. *Как так вообще вышло?*– значит, мы можем начинать. Надеюсь все помнят Венский вальс? – задает риторический вопрос известный российский комик, чем окончательно ставит точку в наших баталиях.

– Стойте! – восклицаю, когда мужская рука касается моей.

– Вы сейчас серьезно? – закатив глаза, интересуется Громов.

– Да, я не хочу с Вами танцевать! – для пущей убедительности топаю ногой.

– Но Вам придется это сделать, – его брови очевидно живут другой жизнью. Иначе я не могу объяснить их песни-пляски по безэмоциональному адвокатскому лицу. *Он знает о моих планах? Но откуда?*

– Почему? – спрашиваю, скреживая руки за спиной. Вздохнув, мой партнер на сегодняшний вечер, решает снова проявить дедуктивные способности и попадает в очередной раз в точку:

– Потому что в тот момент, когда Вы встали со своего места и отправились на сцену, Вы уже заведомо поставили галочку «участвую», соглашаясь тем самым с условиями программы конкурса, – он снова протягивает руку в приглашающем жесте, – и да, чуть не забыл, – вторая ладонь снова ложится на участок кожи, не скрытый полоской ткани, вызывая непроизвольную толпу мурашек, —Вы не любите проигрывать, – Громов резко подтягивает меня к себе, и наши тела в очередной раз соприкасаются.

– Запомните, Максим Александрович, я не люблю быть второй, – уворачиваюсь от энергетически мощного взгляда, созерцая лица зрителей.

– Тогда порвем этот зал, – доносится до меня хриплый мужской голос.

– Пара номер пять готова? – на вопрос ведущего мы в очередной раз синхронно киваем.

– Дамы и господа, мы можем начинать, – обращается комик к зрителям, – Маэстро, музыку.

Мы переводим дыхание перед последним этапом, результаты которого позволят определить победителя в этом конкурсе. В финале осталось две команды: я и Максим, Алексей с незнакомой девушкой. Один из них оставил меня в одиночку возиться со своими проблемами. Другой, несмотря на результат встречи недельной давности, танцует со мной в паре. Причем делает это весьма сносно. Правда осадок, поселившийся в груди незадолго до нашего общего представления, никуда не делся. Лишь притупился на время конкурса. Но я всецело готова поклясться в том, что отпущу обиду и оценю со свежей головой работника Сушинского, если он через пару минут выложится на двести процентов.

– Анастасия Викторовна, Вы готовы? – интересуется Громов, подходя ближе. За последний час мы стали гораздо ближе, чем можно представить. Венский вальс, пасодобль, медленный фокстрот. Чего только не было в программе, но адвокат справился со всем на высший балл. Я была поражена отточенными скользящими движениями его тела. Слава Богу, что бачату ведущий исключил сразу. Ни зрители, ни участники не выдержали бы столь чувственного и до интимности контролирующего танца.

– Максим Александрович, я всегда готова, а Вы? – стреляю глазками, как школьница. Наша черед побед ослепила мой разум, добавив в него нотки сумасбродства и сексуальности.

– Ну, а я тем более, – чувствуя себя в своей тарелке, Макс опирается на выступающую часть сцены.

– Вы нервничаете, – оглядывая меня с ног до головы, произносит Громов, – или мне кажется?

Интересно, как он понял, что я волнуюсь? Неужто телепатом на тнт ночами подрабатывает?

– Надеюсь, что выбор ведущего падет не на танго, – честно признаюсь, – единственный танец, с которым у меня с детства не заладилось.

– У Вас? Не заладилось? – резанные предложения усиливают внутренний мандраж, – не верю, – отрицательно кончает головой мой партнер по танцам. – У Вас прекрасные практические познания в бальных танцах. Неужели танец, полный страсти и чувств, способен вывести Вас из равновесия? – смотрит на меня недоумевающим взглядом.

– Увы, но это так, – поджимаю плечи, пытаюсь спрятать шею, как тот самый страус, – да и годы берут своё, – в каждом моём слове обреченность от несбывшихся надежд.

– Цифры, как и слова, порой врут, – интересная интерпретация классической философии вызывает во мне искреннюю улыбку.

– Ах, если бы, Максим Александрович, – опускаю голос до едва различимого шепота, отдаваясь в полной мере воспоминаниям, – на последних моих соревнованиях в программу включили танго. Нам пришлось довольно долго разбираться с партнером в теории, потому что всё детство и юность оба обходили этот танец стороной, – улыбка стремительно покидает мои губы, складывая их вровень с полом, – Это была первая репетиция. Я оступилась и неудачно упала, сломав себе лодыжку, – выдыхаю, проживая заново эмоции. Они не такие сильные, как тогда. Но всё также ощутимо сдавливают грудную клетку, заставляя сердце работать с удвоенной силой. – О профессиональной карьере пришлось забыть, оставив мечты о выступлениях на пыльных полках с наградами.

– Дамы и господа. Приглашаю наших финалистов на танцпол. – мы проходим на импровизированную сцену под громкие аплодисменты гостей. Словив тишину, ведущий озвучивает новое испытание, —Следующий танец —танго. – Я начинаю терять равновесие от внезапно подвернувшейся левой ноги. От падения на глазах людей меня спасает Громов. – Вы готовы начинать? – обращается к зрителям комик.

– Никогда нельзя думать о том, что не должно произойти, Настя, – возвращая меня в вертикальное положение, адвокат мягко дотрагивается до моих рук своими. – Думать вредно, – шепчу я себе под нос, когда мужчина проводит ладонями вверх, вниз.

– Вдох, выдох, – успокаивает меня партнер, а я же мысленно даю себе затрещину и неустанно твержу «Соберись, тряпка».

– Анастасия... Настя, —зовет Максим, возвращая меня в реальность. Захватив мой подборок двумя пальцами, чтобы я не сумела отвернуться, произносит, —мы можем отказаться от участия, если захочешь. Но нам обоим прекрасно известно, что человек никогда не сможет победить свой страх, если всё время будет от него убегать, – его тягучий, горячий как раскаленный асфальт взгляд дурманит меня.

– Но я не могу, – пытаюсь вырваться из умелой хватки, – пойми.

–Ты ведь не сдаешься! – встряхивает меня как куклу Громов, хватая обеими руками за плечи.

– Но тут, – пытаюсь воспротивиться я, как меня тут же прерывают:

– Сейчас здесь я и ты. Мы вместе. И я тебя держу. Пора перейти от теории к практике, – шепчет Громов, убирая прядь волос с моего лица, – иначе ты вечно будешь бояться сделать шаг. Стать профессиональной танцовщицей у тебя не вышло, но это не значит, что ты должна забыть о своем призвании. Ты рождена птицей, Настя. И сейчас снова можешь взлететь. Если что-то

вдруг пойдет не так, я поймаю тебя, – обдавая моё ухо своим горячим дыханием, заканчивает монолог самым неожиданным и приятным, – обещаю.

– Я запомнила, – отвечаю в тон.

– Тогда разнесем этот танцпол, – с вдохновляющей улыбкой Макс протягивает мне свою руку. *В который раз за этот вечер?*

Sarah Connor – Just One Last Dance ft. Natural

Громов медленной постопью элегантно выводит нашу пару на танцпол. Моя ладонь тонет в его уверенном захвате. Мужская левая рука проводит едва уловимую линию вдоль моей спины. Мы стоим лицом к лицу в ожидании той самой мелодии. Дирижер взмахивает своей палочкой, и хриплый женский голос разливается по просторному залу под аккомпанемент приглашенного оркестра. Шоу начинается.

Призывно вышагивая вокруг своего партнера, провожу ладонями по его мощным и сильным рукам. Мои прикосновения едва различимы. Я ветер. Он скала. Ладони продолжают исследовать мужское прожаристое тело, а ноги гуляют по полу, перекрещиваясь и качаясь под неспешный ритм танго. Темп мелодии становится быстрее, вынуждая меня перейти к решительным действиям. Я грациозно приседаю, показывая при этом свою голую ногу из выреза платья. Мой партнер дотрагивается до лодыжки и тянет на себя, захватывая в свои стальные объятия. Теперь ведет он, а я подчиняюсь, обхватывая ногой его бедра, чтобы он со всей своей страстью закружил меня по танцполу. Я вынуждена наклониться назад, пока его рука вырисовывает восьмёрки в районе моей груди. Он отстраняет меня от себя так страстно, что собственные ноги сами ведут меня к нему назад. Руки соблазнительно двигаются в такт музыке, зазывая и приманивая к себе. Но потом все прекращается, потому что он вновь берет меня в свой плен, кружа и провоцируя. В этот момент я не думаю, а парю на крыльях страсти, которой меня заряжает партнер. Мои движения уже не теория, это чистой воды импровизация и выброс эмоций. Я чувствую на себе его взгляд, в то время как сама пытаюсь завладеть им. Движения плавные, но выразительные, манящие. Мы сводим друг друга с ума еле заметными прикосновениями, но когда музыка становится ярче, наши личные демоны выходят наружу, выгружая изнутри весь накопившийся опыт. В эти мгновения я обнажена и свободна, как никогда. Захватив мою лодыжку в свой персональный плен, Громов тянет меня на себя и кружит по всему танцевальному периметру, чтобы в следующую секунду подбросить вверх и вернуть в свои заботливые объятия. Отдаваясь танцу всю накопленную за годы искренность души, не замечаю, как мелодия заканчивается, а наши ладони и лица оказываются в опасной близости друг от друга. В голове туман, мысли продолжают свое хаотическое движение по кругу, концентрируюсь на одном лишь «поцелуй меня». Нас прерывает голос ведущего вечера:

– Дорогие гости, пришло время определить победителя сегодняшнего вечера. Поаплодируем участникам. Посовещавшись с жюри, мы решили определить победителя с вашей помощью. Тайное голосование объявляю открытым.

Медленно прихожу в себя. Шквал не стихающих аплодисментов наводит меня на мысль, что мы с Громовым перешли грань. Медленно выдыхаю струю воздуха вверх, пытаюсь сдвинуть с места выпавшую из укладки прядь волос. Ничего не выходит. Друг Сушинского берет эту миссию на себя, бережно укладывая непослушный локон мне за ухо. Я отлетаю от него как ошпаренная, но натываюсь спиной на серьезную пару претенциозного возраста. Не состоявшийся адвокат защиты тянет меня на себя. Пытаюсь вырваться из мужской хватки, но по итогу лишь усугубляю собственное положение.

– Поставь меня место! – кричу в лицо Громова.

– Ну, ты чего, падший ангел! Мы ведь победили! – восклицает Макс, поднимая наши руки, – победили! – произносит по слогам, чтобы смысл произошедшего успел добраться до покинувшего голову мозга.

— Да, но радоваться можно и тише, – бормочу под нос, словно Гринч я, а не он. – Смотри, весь народ испугал, – киваю по сторонам.

– Они расступились, чтобы нам не мешать, – слышу, сквозь смех. – Анастасия Викторовна, меньше пессимизма, – произносит Громов, отпуская меня, – от него морщинки на лбу появляются, – и указывает пальцем на собственный лоб.

– А чего Вы такой радостный, Максим Александрович? – интересуюсь, принимая снова защитную позу. Так определенно легче с ним разговаривать.

– Ну, плакать в такой момент было бы довольно странно, не находите? – упиваясь полученными эмоциями, Громов, продолжает шутить, чем выводит адекватную часть моей личности из себя. *А мы чуть не поцеловались. Господи, прости, если бы это случилось. Пришлось бы неделю рот отмывать хозяйственным мылом. Вдруг вирус адвокатский подцепила и начала бы также разговаривать.*

– Хам! – восклицаю, отворачиваясь.

– Не могу не ответить Вам на это взаимностью, – доносится в мою удаляющуюся спину.

– И грубиян! – ставлю точку в несуразном разговоре, резко остановившись.

– Не, ну, это уже лишнее, мадам, – слышу прямо позади себя. Взглянув через плечо, интересуюсь излишним вниманием с мужской стороны:

– Чего Вы добиваетесь?

– А Вы как думаете? – служит мне ответом будоражащий оголенные плечи полушепот. Я совсем забыла прикрепить съемные длинные рукава, поэтому чувствую всё гораздо острее, несмотря на теплый, казалось бы, безветренный вечер.

– А никак уже не думаю! – вновь ошетиливаюсь, превращаясь в вечно волнующегося барсука.

– Пораскиньте немного узловым центром, – поравнявшись со мной, заканчивает мысль Громов, – правда настоятельно рекомендую амплитуду выбрать поменьше, – для пущей убедительности еще и ладонью крутит, словно лампочку в люстру вставляет.

– Как Вас только терпят, – кривлюсь в гримасе нескрываемого отвращения, что даже и разыгрывать не приходится. Стоит только вспомнить его громкие высказывания в сторону женщин, как желание врезать Громову накатывает с новой силой.

– Так никто меня и не терпит, – доносится до меня. – Это как? – обращаю на оппонента полный задумчивости взгляд. В очередной раз провёл.

– А вот «как», отвечу Вам после того, как услышу от Вас ответ на мой ранее произнесенный ответ, – его губы ласкают шею своим теплым дыханием, оставляя после холодную пустоту не только на коже, но и внутри.

– Не знаю, правда, – надуваю губки в попытке найти снисхождение, но не устаиваюсь даже успокаивающей улыбки. Та же нейросеть куда эмоциональнее этой древней праведной рептилии.

– Лжете, мисс Шестакова, – ухмыляется Громов, раздувая неожиданным покашливанием волосы на моём затылки.

– Я не умею лгать! – восклицаю, концентрируюсь на противоположной стене без зеркала. Как же хорошо, что мне не приходится наблюдать со стороны за пьяной глупостью обеих сторон.

– Снова ложь, – я подсознательно ощущаю, как пальцы Громова скользят по моему плечу, вызывая мурашки, – и Вы даже не краснеете! Побойтесь Бога, Шестакова! – змей-искуситель во плоти.

– Говорит отражение самого дьявола, – я поднимаю подбородок выше, сталкиваясь нос к носу с обладателем. Желание отдать на наркотическую проверку выпитую бутылку с шампанским уже не кажется таким диким. Ну, не могу же я в самом деле так себя вести с таким женоненавистником.

– Вы и в Бога не верите? – Громов смотрит глазами куда угодно, но только не на меня. Я снисхожу с небес на землю и поворачиваюсь, чтобы столкнуться с непроницаемым серым взглядом.

– Вера слишком сильна подвержена субъективизму, – отвечаю без тени эмоций на лице. – Считаю, что в наше время нужно верить лишь в себя. Иначе мир тебя просто поглотит. И даже кость твоя не станет ему поперек горла.

– Вы конкретно подсели на феминизм, Анастасия Викторовна! – восклицает адвокат без тени улыбки.

– С чего такие выводы? – взмахиваю волосами, сбрасывая скопившееся напряжение.

– А всё ясно, как божий день, – голос праведника ему не идет. Второй раз за пять минут вспоминает о Всевышнем. – Я уверен, что проблема, которую так или иначе Вы проецируете на любое событие в настоящем, гораздо глубже той, что Вы мне рассказали пару дней назад. А также я уверен, что Вы прекрасно понимаете, что я пытаюсь Вам сказать. И Ваша ложь в моем присутствии только подтверждает эти факты.

– С чего..., – хочу возмутиться, но меня тут же словесно затыкают:

– У тебя уши краснеют, когда ты хочешь соврать, – будто с маленьким ребенком диалог ведет.

– Я не хочу иметь с тобой, тьфу, с Вами, ничего общего! Понятно?! – срываюсь на крик, попутно осозная, что проиграла. Снова. *В какой раз уже?*

– Но нам придется объединить усилия, чтобы победить, – хватая меня за руку Громов, когда я устремлено двигаюсь к выходу на террасу.

– Нам? – ошарашенно тарашусь на бесстрастное мужское лицо, – и с чего такая уверенность в победе? – бросаю гневно на ходу.

– На досуге прокрутил нашу беседу и нашел некоторые несостыковки, – в умении завуалировать мысль ему точно равных среди моих знакомых нет.

– Ох, и сразу согласились? – поднимаю в удивлении брови. – Вы ведь были против, Максим Александрович, – пытаюсь задеть без причины, но по итогу только еще глупее выгляжу. – Почему же сейчас передумали?

– Люблю побеждать, – отвечает с долей непосредственности. Будто бы Громов совсем не заинтересован в деле. *Ага, как же.* — Особенно приятно выигрывать сложные сражения, да и еще такого масштаба.

Свожу к переносице брови, обдумывая сказанное. Что так поразило гневного ненавистника женского пола, что он решил поднять белый флаг?

– Вы чересчур уверены в себе! – заявляю и сосредоточиваю всё внимание посередине между медиальными концами бровей. Инь-тан, так называют триггерную точку третьего глаза акупунктуристы. Неплохо было бы помассировать эту точку в спа, сняв тревожность и стресс последних недель.

– Этого не отнять! – парирует, как ни в чём не бывало. Интересно, этого деревянного человечка может хоть что-то вывести из себя?

– Мы не поладим! – привожу первый попавшийся аргумент, даже не надеясь, что он, действительно, подействует. *Так, жалкая попытка.*

– Мы уже пару часов находимся в одном здании на довольно близком расстоянии, но еще не поубивали друг друга, – даже противопоставить нечего. Чаша весов однозначно на стороне Громова. Сегодняшний вечер показал, что при должной цели мы можем быть по одну сторону.

– Я подумаю, – для пущей убедительности киваю.

– Мне нужен ответ прямо сейчас, – заявляет Громов, неожиданно надев адвокатскую маску. *Шустро переобуваешься. Не боишься по пути лыжи потерять?*

– Почему? – смотрю на него в полной растерянности. *А как же классический сценарий: женщина выёживается, а мужчина ведётся?*

– Через пару часов у меня рейс до Нью-Йорка, – отвечает, взглянув на наручные часы. Не Ролекс. Но определенно выполнены рукой талантливого мастера. Редко увидишь антиквариат в повседневной носке. А это точно раритет. "Fludo". Швейцария. Середина XX века. Хром, сталь. Правда браслет не оригинальный. Отец был тем еще заядлым коллекционером циферблатов.

– Понятно, – как можно более безучастно выражаю свои эмоции. К чему эти танцы с бубном? – Ну, тогда удачи.

– Ты сейчас серьезно, да? – неожиданно в мужском теле зарождается жизнь. То ли в воздухе феромонами подул, то ли кишечная палочка залетела и смуту навела.

– Ты сказал, что уедешь, – мой указательный палец фактически касается чужой груди, – вот и уматывай в свою Америку! А меня оставь. Чего увязался за мной? – тыкаю пальцем, создавая дополнительный дискомфорт. – Ты отказал мне, когда я пришла в офис Сушинского за помощью, а теперь решил поиграть в рыцаря?

– Нет, – как всегда лаконично, чётко и сухо. *Полено какое-то.*

– Ни нет, а да, – сейчас я напоминаю молодую учительницу школы. – Подумал он. Славы захотелось, да? Или посмеяться над блондинкой решил? – во мне кипит злость. Но не персональная, её локализация охватывает гораздо больше, чем можно предположить. – Справлюсь без твоей помощи, понятно?

– Охмуришь Осипова или его советника Перфилова? – слышать постыдную мысль из его уст противнее, чем представлять в собственной голове. – А дальше что? – срывается Громов, чудом избегая крика. Но лучше бы орал, как потерпевший. Его злой рокот разносит в щепки мою самозащиту, вынуждая подсобрать хвост. – Место в Совете федерации и неприкосновенность? Потом срок давности истечет, а ты как была белой и пушистой для всех, так и останешься, да? – колит правдой, словно крапивой. Больно. Горько. И жжет. – А о себе подумала? О чувстве собственного достоинства? Как будешь засыпать с мыслью, что к тебе могут вломиться в дом, арестовать и посадить в тюрьму? Жить каждый день как на иголках. Дышать на совещаниях через раз. Ходить от одного места до другого с оглядкой, думала? – каждая новая фраза выстреливает из его уст, словно из пулемета. И моя оборона падает, выставляя на суд жалкую личину слабой женщины. – То-то же, – подтверждает друг Сушинского, видя как по моим щекам бесшумно скатываются слезы. —А я подумал о том, как тебе можно помочь.

– И как? – выдавливаю из себя, вытирая ладонями лишнюю влагу.

—Так я тебе и сказал, – *Остановите планету, я сойду. У меня нет сил бодаться с этим персонажем.*

– А с чего я тогда должна тебе довериться? – смотрю из под ресниц, постоянно смаргивая соленые капли.

– Мы ходим по кругу. На этот вопрос я ответил в прошлую встречу. – Нам обоим требуется помощь профессионала.

– Мне нужно подумать, какое решение принять – повторяю еще раз.

– Ты его давно приняла. Теперь озвучь его вслух.

– Нет, – протяжно стону.

– Сейчас, когда моя рука на твоей спине, ты чувствуешь отрицательные вибрации своего тела? – приближается Громов, снова манипулируя реакциями тела.

—Нет, – не понимаю, что за игру он ведёт, но покорно отвечаю на вопросы.

—Ты доверяешь своему чутью?

—Да.

– Ты хочешь победить?

—Да.

– Так твой ответ?

– Да, – отвечаю машинально, растворяясь в блаженстве мужского голоса. Но тут же выпадаю в реальность, теряя опору под ногами.

– Тогда жду тебя в понедельник в 8:00 в офисе в том же конференц-зале, – деловито произносит Громов, хватая пиджак со спинки стула.

– И всё? – непонимающе устанавливаюсь на его лицо, что в этот момент приобретает идеально ровное положение.

– Жду Вас завтра, Анастасия Викторовна. И прошу, без опозданий, – кивает головой в знак уважения, и удаляется в сторону двери, не забыв на прощание подмигнуть. *Вот зараза. Не приду. Из принципа. Телефон вибрирует сообщением «придешь». И как только он узнал мой номер.*

Договор

– Ты опоздал, – наезжает с порога Шестакова, не отрывно следя за стрелками на циферблате ручных часов, – уже две минуты девятого. *Даже оправдываться и нападать не хочу. Последние пять минут я не без удовольствия наблюдал за тонированными стеклами зала за поведением своей клиентки. То, что она выберет меня, неоспоримо. По последним данным ей грозит не маленький срок в тюрьме за убийство. Но куда больше меня удивляет поведение женщины, сидящей на стуле во главе стола. Зажатая с разных сторон, она мудреется выглядеть в круговороте личного хауса спокойной и уравновешенной. Любая бы на её месте в слезах умоляла помочь.*

– Это ты пришла раньше, – констатирую очевидный факт, —на моих ровно восемь. И спорить бесполезно. Мои дела завязаны на времени, если бы я был недостаточно пунктуален, то меня бы гнали взащей, а не бились нанимать самые отчаянные.

– Позволь уточнить, ты сейчас себя намеренно воздвиг на пьедестал, или это случайно получилось? – *Какого чёрта её лицо полно презрения? И почему реакции чужого тела так задавают моё эго? Неужели правда так жестко ранит светловолосую самолюбку, что она опускается на уровень самовлюбленного подростка и тянет меня за собой?* – Хотя нет, не отвечай, – отмахивается от меня Шестакова, – а то мало ли что может произойти. Вдруг по итогу нашей встречи за каждое произнесенное тобой слово мне придется платить по двойному тарифу. Всё-таки меня, такую отчаянную, будет защищать лучший из лучших.

Открываю папку с личными данными Шестаковой и пристально изучаю, пока словесная петарда внутри женского организма не гаснет.

– Перейдем к делу? – спрашиваю без тени смущения на лице, когда поток ненужной эмоциональной информации иссякает.

– Ну, с чего начнем, – наглет Шестакова, поднимая волевой подбородок.

– С правды, – формулировать объемно и коротко – важная способность каждого мало-мальски успешного адвоката.

– С чего конкретно? – интересуется Блонди, стусевавшись.

– Как бы глупо это не прозвучало, но сначала.

– С детства? – хихикает Шестакова, разыгрывая дуру. Но мы оба знаем, что это бессмысленно.

– Меня интересует, как ты докатилась до такой жизни, – отвечаю туманно, чтобы развязать язык любительнице поиграть.

– Серьезно? – брови блондинки взлетают вверх.

– Можешь начать с того момента, как получила свою должность, – милостиво ужимаю открытые границы дозволенного, вынуждая сконцентрироваться на неприглядной сути произошедшего.

– Мой отец был главой Балаковского района довольно продолжительное время. И я, как ожидалось, должна была занять ту же самую должность после него. Спустя время категоричность рассеялась, уступив место личным обстоятельствам. Называть их не вижу смысла. Таким образом должность стала моей. – *Серьезно? В голове вертятся самые неблагоприятные эпитеты, которые приходится проглотить, чтобы не вылить поток нецензурицины. Надеюсь на откровенность? Всё тот же молодой дурак. А Шестакова как была орехом, так и осталась. Только скорлупу свою в панцирь превратила, чтобы голову было куда убирать. А всё остальное оставила без изменений. Включая размер центрального отдела нервной системы.*

– К власти пришла на удивление быстро. Молодая амбициозная девушка, прожившая почти всю свою жизнь в одном городе, который так люб ее сердцу, была для населения глотком свежего воздуха. Люди, действительно, вздохнули с облегчением, после тирании моего

отца. Многое удалось исправить. В самом начале пришлось поработать над кадровым составом и убрать с насиженных мест множество закоренелых взяточников и толстожопых неумелых куриц. Прошу прощения за подобное высказывание, но мое сравнение, по правде говоря, звучит в их адрес как своего рода комплимент, – оправдывается Шестакова, неожиданно улыбаясь.

Во мне борются двое: мужчина, ржущий как конь над нелепой шуткой, и адвокат, которому не положено.

– Не смейся, – просит Блонди, наблюдая за тем, как я поджимаю губы. – Ты бы их видел. Честно, не вру, – кладет руку на сердце, вызывая внутри меня приступ истерического хохота. Я чудом сдерживаюсь, чтобы не завопить во всю глотку. – Жители писали про этих дам вещи и похуже. До сих пор помню заголовок статьи «Эра Шестаковой младшей. Начало. Курицы слетели с насеста.».

– Серьезно? – из меня вырывается вопль, который даже отдаленно трудно сравнить со смехом. Это внезапный крик чайки, оказавшейся по какой-то нелепой случайности над судном посреди тихого океана.

– Более чем. Можешь даже набрать в поисковике.

Неужели передо мной сидит современный Бэтмен или Бэтменша? Феминитивы – наше всё. Хотя.. наверное правильнее Бэтвумен.

– А тебя не учили правилам общения на людях? – интересуюсь, включая сволочного адвоката. *Получается с первого раза. Признаюсь, эмоциональная перестройка далась с трудом. Впервые за последние годы. В какой-то момент жизни мне даже начало казаться, что я эмоциональный импотент. Пока не вернулась Шестакова и не спустила моих дрессированных демонов с цепи. Или с насеста?*

– Может быть хватит меня принижать, – играть обиженную у Насти всегда получалось очень хорошо. Но теперь я уже не тот наивный лопух, которого легко провести дешевым фокусом. – Я ведь не знала, что моя фраза облетит город, – Блонди отворачивается к окну, показывая свой идеальный точенный профиль. *Мне до чертиков хочется провести по элегантному силуэту любимой женщины пальцами, акцентируя внимание на острых скулах и совершенной форме нижней челюсти. А потом спустится ниже по лебединой обнаженной шее. Но я прекрасно понимаю, что это моментальный билет до личного Шескобана (прим. Азкабан).* – Да, да, ты сейчас скажешь, что я должна была предвидеть всё наперед, – обреченный голос Насти подобен одинокой летящей вниз птице по ту сторону панорамных окон. Исповедуюсь, Блонди наблюдает за сотней маленьких людей под ногами, спешащих по своим важным делам в московское царство из стекла и стали. – Но откуда мне, двадцати однолетней девчонке было об этом знать. Да и отец не очень-то помогать хотел. У руля поставил и отошел от дел, – *в голосе Белоснежки грусть. Большая по размеру. Но тлеющая. Будто всё давно перегорело. Отжило. Но даже я, взрослый мужчина, не могу стереть из памяти яркие картинки прошлого, в котором постоянно мелькал Шестаков старший. Последние десять лет у меня не получается забыть ужасающую правду, изменившую наши жизни. Но я уверен в том, что не позволю мудаку отцу никогда больше влезть в то, во что ему запрещено. И пусть это будет больно. И пусть принесет много жертв.*

– А я что, – светловолосая манипулятора использует самый классический из всех приемов, способ – выставить крайним обстоятельства, сыграв в жертву. – С новыми возможностями по началу проснулся дикий, местами доводящий до абсурдности, максимализм. Лишь год спустя пришло осознание, во что на самом деле я ввязалась. Тогда и начались проблемы. После этой статьи, кстати, – в моменты осознания её лицо светится подобно солнцу. *Не потеряла с годами внутреннее сияние. Похвально.* – Я получила по шапке от власти свыше и была снята с «хороших» счетов в областной думе. Пришлось вплотную заняться своей речью, чтобы не вредить жителям города, – *Так и хочется сказать, а вы знаете, что язва – не изле-*

чимая болезнь людского языка. Можно уменьшить реакцию, но симптоматику полностью не убрать. – Да и что греха таить, подобный навык и мне лично пошел на пользу. Жаль только, что курсы «учимся хамить красиво» до конца не прошла, – если Шестаковой дать палец, она его почти тут же проглотит до локтя, – было бы, что ответить на твои реплики, – только ей удастся достать до окаменевшей души, заставляя её искренне смеяться. —Но если серьезно, то после этой статьи мне всё же довольно много раз удавалось выбить из областного бюджета средства для облагораживания и развития района. Хотя сейчас мне все больше кажется, что это была игра. Долгоиграющая ловушка, поставленная рукой опытного мастера.

– Почему? – недоумеваю я. Голова рефлекторно наклоняется к плечу, а тело подстраивается к наблюдательной позиции с другого ракурса.

– В любом провинциальном городке со времён лихих девяностых орудует мафия. Группировок много. Одни переквалифицировались в законотворческую деятельность, другие в управление, – *наконец-то Шестакова начинает говорить много и по существу.* – Ко второму я отношу руководящий состав электростанции. Их не волнует, что происходит в городе: какое влияние оказывает работа АЭС на экологию, на жителей. Все жалобы на них автоматически аннулируются, не доходя до моего кабинета. Об этом, кстати, я узнала совсем недавно. Хотя догадывалась о скрываемых проблемах и неоднократно отправляла независимую комиссию, но подкупить ее, как оказалось, гораздо легче, чем предложить конфету маленькому ребенку, – *летать в облаках — неубиваемая привычка у женщин.* – Так вот, эта мафия ведет свою игру, пусть и закрытую, но одобряемую областниками. За время моего управления ничего из ряда вон выходящего они не совершили, за исключением парочки махинаций с землей и поселком, что находится на их частичном обеспечении. Но к делам района это никакого прямого отношения ни в одной из плоскостей не имело, поэтому подкопаться не к чему, – Шестакова разводит руками.

Энергетический бизнес процветал, процветает и будет процветать. И власть всегда будет направлена на урегулирование любых проблемных ситуаций в этой сфере с максимальной выгодой для себя, то есть, подминать под себя любые причитания зависимой стороны.

– А вот другая массовая группировка наворотила немало дел, – лицо Насти в миг теряет всю накопившуюся уверенность, оставляя лишь тень женщины, которую я безумно любил когда-то. *Хотя, что греха таить, даже сейчас, в эпицентре чужого страха я ощущаю к Шестаковой ни с чем не сравнимое чувство душевной теплоты. Будто красные нити, привезенные другом дяди из Израиля, которыми мы когда-то связали наши руки, стали для нас не только оберегом, но и соединили два игрушечных сердца в одно настоящее.* – Здесь и криминал, и грабеж, и махинации. Список бесконечен, особенно если порыться. Хотя они тщательно заматают следы и свидетелей убирают на раз-два. До сих пор гадаю, почему еще дышу. Но раз жива, значит нужна, – *тяжелое дыхание и скованные движения – результат сомнений, а не уверенности.* – О том, кто входит в эту шайку и кто ее возглавляет знаю не очень-то и много. Лично мной был пойман с поличным папин заместитель и его секретарша, один из моих бухгалтеров, несколько глав отделов администрации города, ну и пожалуй, парочка кадров из областной думы.

– Уже лучше, – киваю в ответ на существенное дополнение к делу, и продолжаю заинтересовано посматривать на непривычно волнуемую Блонди, – дальше.

Судорожно касаясь идеальной причёски, Шестакова заправляет золотистый локон за ухо и, сглотнув, продолжает изливать душу :

– О своем влиянии представители данной группировки предупредили меня на одном из первых слушаний в Саратове, где я весьма четко сформулировала свою позицию по поводу афер и экономических преступлений в городе. После заседания мне в весьма культурной форме объяснили текущее положение дел, закончив цинично и одновременно волнительно: «мало-ли, что может произойти», – женское тело оживает в моменты несправедливости, пере-

давая горловой импульс изящным рукам.— Удивленные отказом, члены блошиного объединения ненадолго оставили меня в покое, а я, окрыленная властью и произведенным эффектом, облегченно вздохнула. За это время с должности были уволены глава ЖКХ, главный врач районной больницы, директор службы опеки и социальной защиты, несколько значимых фигур на городской арене. Управленческий контур был вычищен от взяточников и коррупционеров. После этого в мою дверь постучались. Интеллигентно надо сказать. Выразили довольно ёмко возникшее моим самоуправством недовольство, а также лишний раз напомнили о возможности быстрого свободного полета с вершины муниципальной горки.

Создав дополнительный круг защиты, я продолжила выполнять свою работу, при этом часть дел поставила на паузу, а для иных мероприятий уменьшила скорость отдачи для тщательной проверки и контроля со стороны. Как и прежде я занималась определенной бумажной волокитой, приносящий доход в бюджет субъекта в рамках осуществления деятельности, связанной с муниципальными ресурсами. Несмотря на нежелание группировки видеть меня частью управления, никто прямо не мог повлиять на мои решения, поэтому их непосредственные теневые руководители тщательнее отслеживали мои попытки что-либо изменить в черте родного города. Игра на глобальном уровне превратилась в экшн-квест. Но главное на тот момент сделать я уже успела, поэтому с чистой совестью взялась за углубленное знакомство с размеренной жизнью типичного муниципального служащего.

Спустя какое-то время государственный коммутатор вновь перепутал соединения, переплетя ненужные сети. Заместитель атомной станции стал помехой для нового бизнеса заместителя главы региона. Да, ты не ослышался. Заместитель главы Саратовской области тоже имел отношение к деятельности этой группы. Если кратко, то он не поделил с замом АЭС кусок земли. Один хотел построить в районе дач мясокомбинат, а другой —создать рабочий поселок и мини-завод по производству деталей для автомобилей. Обе идеи были весьма интересными, любая из них внесла бы весомый вклад в развитие экономики города, но меня, как представителя муниципалитета и ярого борца за экологию и без того загаженного продуктами производства города, не устраивало выбранное местоположение. Я прекрасно осознавала, что после маслозавода немногие одобряют строительство еще одного источника разрушения экологии города. И мне искренне не хотелось портить живописные места на берегу Волги. Но меня поставили перед фактом. Дело в том, что мной документально около года назад была продана земля, на которой планировалось строительство завода. Без наличия законных на то оснований. Этот клочок земли, вырванный в своё время у области для строительства дач для сотрудников, изначально принадлежал атомной станции. На протяжении многих лет работники засаживали огороды, вели хозяйство на этой территории, а я своей легкой рукой в какой-то момент взяла и подписала бумажку, позволяющую разрушить то, что люди отстраивали годами, – в уголках глаз Шестакова просыпаются редкие горошинки слез.

—Ладно, – махнув рукой, Блонди берет себя в руки и и продолжает контролировать бешенный поток искренности, – с этой виной хотя бы можно жить, правда в другом регионе, но все же, – её плечи опускаются от тяжести вины. *Как бы Настя не храбрилась, телесные реакции не обмануть.*

– Главная беда в том, что я самолично подписала бумаги о временной передаче интересующей верхушки собственности, которая за пару дней переключалась в частные руки без дополнительного согласования и продажи. Довольно популярная практика в далеких от столицы областях. Не можешь завладеть чисто, действует грязно с упором на власть. В конечном итоге я фактически оформила дарственную на землю какому-то постороннему человеку. А теперь догадайся, кем был «покупатель»?

– Заместитель главы АЭС, – выдаю первую попавшуюся мысль.

– Бери выше, – закатывая глаза, Шестакова очень чётко описывает текущее положение дел, – губернатор, оказавшийся отцом заместителя главы атомной станции. Он решил пре-

поднести сыну подарок на юбилей, презентовав отцапанный у муниципального района клочок земли. На следующий день о махинации с документами стало известно группировке. Неоднократно наматывающие круги вокруг моего кабинета, в надежде выторговать подписание регулярно отклоняемого разрешения о строительстве, пешки заместителя главы области указали мне на юридическую оплошность. Выяснялось, что незадолго до произошедшего с губернатором, необходимые визы и реквизиты были проставлены моей собственной рукой, что вызвало вполне закономерное противоречие двух документов и в конечном итоге стало концом для одного из игроков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.